

Сергей ДЫШЕВ

ЦИАНИСТЫЙ КАРЛИК

Ты будешь мертвее мертвого!

ЛЮБИМЫЙ ДЕТЕКТИВ

Сергей Михайлович Дышев
Цианистый карлик
Серия «Любимый детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70020799

*Цианистый карлик:
ISBN 978-5-4484-8963-1*

Аннотация

В книгу известного мастера остросюжетной прозы Сергея Михайловича Дышева (1956–2022) вошли три его детективные повести. В первой из них – «Девочка на цепи» – заместитель начальника убойного отдела майор Никита Савушкин расследует дело о пропаже 19-летней девушки, во второй – «Кладбище для одноклассников» – он же пытается вычислить серийного убийцу по кличке Скульптор, жертвы которого, как выяснилось, учились в одном классе. В третьей – «Цианистый карлик» – в гостиничном номере был отравлен коммерсант Борис Зайцев, но его жена не опознала тело мужа в морге. Кто же отравлен и где настоящий Зайцев?

Содержание

Девочка на цепи

5

Конец ознакомительного фрагмента.

124

Сергей Михайлович Дышев

Цианистый карлик

© Дышев С.М., наследники, 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Девочка на цепи

1-е число. Месяца не было

Это был необычный подвал под обычным жилым многоэтажным домом. И если бы какой-то черт занес тебя сюда, в мокрую темноту среди вырванных плафонов, то ты мог бы в непредсказуемый миг ослепнуть от ярчайшего света осветительного прибора на треноге. И если бы ты сдержал крик и мгновенно сократился до размеров крысы, то смог бы тихо оценить и сладострастно вкусить необычайность этого подвала.

Ты бы увидел в углу, в свете «дедолайта», девушку, сидящую на потертом диванном покрывале, с поджатыми под самые губки коленками. Ей не более 19 лет, она привлекательна, возможно, и красива, но страх на ее лице не дает тебе это понять. На девушке – короткое платье с открытыми плечами, в крупный горошек: такое носили бог знает где и когда. . .

В полумраке полыхает светильник. Ты замечаешь еще одну треногу, они напоминают здесь марсианских чудовищ из романа Г. Уэллса «Война миров» и вот-вот они оживут и пойдут своей изломанной походкой по подвалу, а потом еще и выкарабкаются по лестнице на улицу. На второй треноге головка. Да это ж видеочамера!

Неожиданно из другого темного угла появляется, буквально «материализуется», молодой мужчина. Он молча об-

лачается в пурпурный балахон, на голову надевает такого же цвета колпак с прорезями для глаз. В общем, получает-ся куклуксклановец московских подвалов. Кладет на землю огромных размеров нож.

Ты уже сто раз пожалел, что зашел в этот подвал помочь. Но теперь уж выхода нет. Чтобы сбежать, надо снова превратиться в обычного жильца, пройти мимо палача и умудриться при этом остаться в живых. Поэтому лучше стерпеть.

Краснобалахонный, по всему, задумал съемки фильма ужасов. Он включил видеокамеру, направил ее своим красным глазком на оцепеневшую пленницу. Он вытащил из сумки, лежавшей на полу, цепь с узорчатыми звеньями. В другой ситуации ее с восторгом приняла бы в подарок и тут же прицепила на пузик или бедрашко какая-нибудь юная металлистка.

Краснобалахонный несуетливо, будто Акиро Куросава, вошел в кадр, обмотал цепью левую руку девушки, замкнул навесным замком амбарных размеров. Второй конец цепи садист-выдумщик прицепил к металлической балке на потолке. И тоже замкнул – смеха ради – самым миниатюрным, просто микроскопическим замочком.

Он взял плетку, приблизился к девушке и неожиданно резко взмахнул у нее перед лицом. Подвальная пленница инстинктивно сжалась, прикрыла лицо руками. Второй удар плеткой был настоящим. Ремешки плетки скользнули по ру-

кам девушки.

Девушка взвизгнула:

– Не бей меня!

– Ты будешь сидеть на цепи, пока не полюбишь меня! – утробным голосом произнесло балахонное чучело. – Но учти, мне не нужны фальшивые чувства!

– Ну, отпусти меня... – заканючила «цепная» девушка.

Лезвие приготовленного ножа отсвечивает стылым холодом. Тебе абсолютно не жалко худосочную жертву мужчины в пурпуре, даже когда он бросает перед девушкой эмалированный тазик, в котором почему-то лежат несколько луковиц, потом ставит ведро с водой. Тебе жутко интересно и столь же страшно.

Он гасит свет. Обваливается крошечная тьма.

Ты понимаешь – это твой единственный шанс. И пулей, не чуя ног, летишь к выходу, как мышь, чудом уцелевшая под гильотиной мышеловки.

О читатель, читальщик, читалло! Мы оставляем тебя в покое до той поры, пока тебе вновь не приспичит справиться малую нужду в самом обычном среднестатистическом подвале многоэтажного дома.

А нечего жмотничать, экономя червонец на городском биотуалете!

2-е число того же...

Утро для дежурного по УВД района капитана Шаловливого было явно не мудренее вечера. Ночь прошла спокой-

но, в обезьяннике привычно клевал носом лупоглазый бомж Валерка Макаров, который очень гордился своей «пистолетной» фамилией, впрочем, не подтвержденной никакими документами. Изолировали его в который раз за то, что он на главной районной площади, причем совершенно в трезвом виде, орал во всю глотку, что ни в жисть не примет участия в президентских выборах. Его забирали, он тут же засыпал на нарах, со счастливой улыбкой единственного диссидента района. Огорчало его лишь то, что до выборов оставалось уже всего ничего.

В общем, дежурство шло к концу. Шаловливый уже предвкушал, как, придя домой, примет душ после смрадной дежурки, съест, по обыкновению, тарелку борща или супа и завалится часиков на пять на диван.

И вдруг невесть откуда на окошко «дежурной части», как на амбразуру, навалилась дородная угрюмая женщина. Шаловливый в этот момент ошутимо почувствовал, как не хватает воздуха. И порывисто вздохнул. Предчувствие не обмануло его.

– Товарищ дежурный, у меня дочь пропала. Не знаю, что и делать, и телефон ее заблокирован. Меня звать Варвара Борисовна. Фамилия – Шпонка.

– Пишите заявление, – устало сказал дежурный. – Сейчас сотрудника приглашу, расскажете ему все обстоятельства.

Он набрал номер.

– Никита Алексеевич, тут женщина пришла, говорит,

дочь пропала... Сколько ей лет? – Шаловливый хмуроглянул на Шпонку: – Сколько?

– Мне? – спросила Шпонка.

– Да не вам!

– Э-это... Девятнадцать.

– Ждите.

Шпонка отлипла от окошка.

Вскоре в вестибюль спустился опер Серега Кошкин, сразу определил потерпевшую.

– У вас дочь пропала?

– Да, – кивнула Шпонка.

– Я – Кошкин, оперуполномоченный уголовного розыска.

Пойдемте со мной.

Они поднялись по истертой лестнице на второй этаж, прошли по узкому коридору среди десятка дверей и дошли до кабинета с табличкой: «Савушкин Н. А.».

Кошкин, обозначив стук, вошел первым. Хозяин кабинета задумчиво ругался с кем-то по телефону.

Шпонка поздоровалась.

– Присаживайтесь. Я – Савушкин Никита Алексеевич, зам начальника отдела. Ну, расскажите, что произошло.

Шпонка вздохнула.

– Вчера Маша, как обычно, утром пошла на работу. Она работает парикмахером в салоне. Вечером она обычно приходит домой, садится за учебники, хочет поступить на заочное отделение экономического института. И вот вечером она

не пришла. Я всю ночь не спала, переживала... Она девушка не гулящая, правда, скрытная по характеру. – Женщина всхлипнула. – Не знаю, что делать...

– Прежде всего успокойтесь, – строго посоветовал Савушкин. – В ее возрасте (ей сколько – девятнадцать?) хочется совершать самостоятельные поступки, иногда экстравагантные. Вы искали ее у знакомых, родственников?

– Да я их никого толком и не знаю. В салон позвонила, сказали, на работу не выходила.

– Ну, а подруги, парень у нее есть? – подал голос Кошкин.

– Не знаю... – вздохнула Шпонка. – Она была очень скрытная, ничего о своей личной жизни не рассказывала. Все молчком, молчком.

– Почему *была*? – мрачно поинтересовался Савушкин.

– Ну, это... в смысле, всегда была... – смутилась Шпонка.

– Доверительных отношений между вами не было? – с напором спросил Савушкин.

Шпонка обиделась:

– Почему вы так говорите? Я ее очень любила.

– Почему вы все время говорите в прошедшем времени? – продолжал допытываться Савушкин.

– Вы какие-то странные люди! – возмутилась Шпонка. – Придираетесь к словам, вместо того чтобы немедленно броситься на поиски.

– Бросимся, только покажите, в какую сторону, – мрачно отреагировал Савушкин. – Но ведь вы не знаете ни ее знако-

мых, ни даже родственников – полагаю так, по линии мужа?
– Да, по линии моего покойного мужа. Они все отвернулись от меня после того, как Олег семь лет назад умер от инфаркта.

– Мы, конечно, найдем и опросим всех ее родственников и знакомых, – уже другим тоном продолжил Савушкин. – Да, и принесите нам ее школьный альбом.

– Хорошо, если найду...

– И запишите, пожалуйста, номер ее мобильного телефона в заявлении.

Шпонка торопливо написала заявление, протянула Савушкину.

Никита в свою очередь дал посетительнице квадратный листок.

– Если что-нибудь вспомните, позвоните по этим телефонам.

– А если Маша найдется, не забудьте сообщить, – добавил Кошкин.

Савушкин бегло прочитал заявление.

– Значит, так, Мария Олеговна Лихолетова. 19 лет. У вас разные фамилии. Дочь неродная? – резко спросил Савушкин.

– Ну, как же, неродная? – возмущенно воскликнула Шпонка. – Когда умер Олег, я заменила ей мать. Какие же вы черствые люди!

– Работа у нас грубая, так что извиняйте, – холодно заме-

тил Савушкин. – Общаемся с убийцами, насильниками, жи-
водерами. Специфический контингент.

– Вы найдете ее? – Голос женщины дрогнул.

– Будем искать, только принесите хоть какую-нибудь ее
фотографию, – сказал Савушкин.

Шпонка спохватилась.

– Ой, в самом деле... Сейчас принесу...

Женщина тихо вышла.

– Что-то ты сегодня, Никита Алексеевич, не просто черст-
вый, а вообще как рашпиль, – заметил Кошкин.

– Изя Рашпиль, которого на заре лейтенантской юности я
посадил за кражу скрипки из школьного оркестра, был, кста-
ти, милейшим юношей, – заметил Савушкин. – А вот эта ма-
дам, поверь мне, терпит падчерицу лишь потому, что она об-
ладает правами на квартиру, в которой они живут... Давай
зови Андрюху, сейчас раскидаем, кому чего отрабатывать.
Чует мое сердце, здесь не все ладно.

Заглянул в кабинет самый юный и разбитной из оператив-
ников – Андрюха Ряхин.

Савушкин показал на диван:

– Падай.

Андрей уселся, положил блокнот на колени. Савушкин
покосился на блокнот.

– Фабулу Серега тебе расскажет. Значит, пойдешь в шко-
лу, где она училась, там найдешь адреса ее одноклассников.
Девятнадцать лет девчонке, связи с одноклассниками еще

поддерживает. И по списку – всех опроси... Ты, Серега, пойдешь к соседям, аккуратно выясни, как они там – жили не тужили... Ссорились, нет, имеется ли кавалер у мадам? У старушек на лавочке поспрашивай... В наше гнусное время не только прав на квартиру лишают, но и права на существование. И всех их, убиенных, везут из Москвы закапывать к нам в область. А у нас их раскапывают, и мы получаем глупые «висяки» нераскрытых убийств. Несправедливо...

Кошкин сурово констатировал:

– Зажрались эти москвичи.

– Это мы – обожрались их трупами, – уточнил Ряхин.

– Что-то по тебе не видно, – продолжил тему Кошкин.

– Ну, все, ребята, за дело! – прервал треп Савушкин.

Опера ушли. Савушкин в задумчивости потер нос. Он давно заметил за собой, что после этих манипуляций его как бы осеняет и в голову приходят неожиданные идеи. Никита решительно набрал номер телефона.

– Здравствуйте, это Анастасия Иванова? – серьезно спросил он. – Это из милиции. Майор Савушкин. Что вы делаете сегодня вечером?

– Привет, Никита, – отозвалась из трубки Настя. – Что ты сегодня такой официальный?

– Хочу неофициально пригласить тебя на тихий ужин в преддверии запутанной истории, которая, похоже, свалилась на мою шею.

– Сегодня? Ну, никак не могу, Никита. Я ответственная

по номеру.

– Обещаю эксклюзив.

Настя вздохнула.

– Согласна, но завтра.

– Есть еще одна эксклюзивная информация для моей журналисточки.

– Ну, говори, – поторопила Настя.

– Я тебя люблю...

– Никита, извини, мне тут полосы притащили. Созвонимся...

Настя отключилась первой.

2-е число. Дело было днем

Оперуполномоченный Андрей Ряхин, или, как его звали в УВД женщины, «уполномоченно озабоченный Андрюша», шел в школу, в ту самую, которую сам заканчивал лет семь или уже восемь назад. Он показал удостоверение безликому охраннику, в котором едва узнал выпускника какого-то... года, прошел в кабинет директора.

– Разрешите, Клавдия Порфирьевна? Здравствуйте, я из уголовного розыска. Андрей Ряхин.

Директор вскинула брови, усмехнулась.

– Вижу, что Ряхин. С этого бы и начинал, товарищ выпускник... Из уголовного розыска. Ну, что там случилось, Андрей? Что-то натворили наши дети?

– Нет, ситуация другая, Клавдия Порфирьевна. Пропала

ваша выпускница Маша Лихолетова.

– Ну, а мы чем помочь можем? – недоуменно спросила директриса.

– Дело в том, что мачеха, которая ее воспитывала, абсолютно не знает, кто ее друзья, знакомые, одноклассники.

Клавдия Порфирьевна задумалась.

– Да, помню эту девочку. У нее родители рано умерли. Сложный характер... Но очень способная.

Директор повернулась к компьютеру, открыла файл с адресами и телефонами учеников, распечатала на принтере.

– Вот, пожалуйста. Но под вашу личную ответственность, товарищ оперативник.

– Да, конечно... Скажите, а с кем из преподавателей я смог бы побеседовать? Но не сегодня...

– Пожалуй, с классным руководителем – Ларионовой Светланой Васильевной.

– Тогда вы ее предупредите? Приду я или мой коллега.

– Хорошо... Но только обязательно позвони, когда Маша найдется.

– Конечно, Клавдия Порфирьевна.

Все то же 2-е число; и вечер, однако

Кошкин, лениво оглядевшись для приличия, вошел в подъезд. В этом типовом доме и проживала пропавшая девушка Маша. Сергей достал блокнот и стал вполголоса читать выписку из домовой книги: фамилии жильцов и номера

их квартир.

– Квартира № 33 – Кухаркин Роман Евгеньевич. Квартира № 34, проживают Шпонка Варвара Борисовна, Лихолетова Мария Олеговна. Мария, Маша, Машенька... Заглянем-ка к товарищу Кухаркину.

Кошкин коротко нажал на звонок. Дверь слепая, «глазка» нет. В напряженной тишине послышался скрип половицы. Кошкин еще раз даванул на электрическую «пуговку». Стало еще тише. И тогда Кошкин по наитию постучал «условным» стуком: тук-тук... тук-тук-тук. И чудо свершилось: дверь тут же распахнулась. На пороге стоял, щурясь, сосед Маши, Роман Евгеньевич – небритый мужчина лет сорока пяти, в клетчатых шортах до колен и темном свитере под горло.

– Ты кто? – подозрительно спросил Роман.

– Свои... – небрежно ответил Кошкин.

– Ну, заходи. Чего-то не припомню тебя.

– Серега я...

– А-а, без очков не узнал. Принес чего-нибудь? А то у меня как в боулинге.

– Это как?

– Шаром покати, – пояснил Роман.

– Так я схожу сейчас.

– Может, и бутылки заодно сдашь? – спросил Роман.

Кошкин отмахнулся от такой перспективы:

– Да у меня хватит...

Ромка тихо прикрыл дверь. Кошкин вздохнул:

– Уцелевший образчик социалистической общности...

В стандартной кухне Ромки Кухаркина имелась видимость холостяцкого уюта: чисто, красиво, никакой грязи. Даже цветочки на подоконнике... Интеллектуальные пристрастия хозяина выдавали лежавшие горкой на полке видеокассеты с надписью на корешках: «Криминальные истории». На столе, как разобранная постель, лежала раскрытая пухлая книга, которую, как видно, Ромка читал еще со школьных времен. Появление гостя привело его в возбужденное состояние, он заложил страницу книги салфеткой, положил ее на подоконник. Напевая старинный шлягер Пугачевой, Кухаркин поставил на плиту кастрюлю с водой, надел очки, лежавшие на столе, достал из ящика картошку, начал ловко ее чистить.

– Серега... Серега... – вслух пробубнил он. – Совсем память отсохла.

Кошкин тем временем успел отовариться в местном магазине. Подойдя к двери Ромкиной квартиры, вновь постучал условным стуком.

Послышалось жизнерадостное:

– Да открыто!

Кошкин толкнул дверь и прошел на кухню. Выложил из пакета на стол бутылку водки, две бутылки пива, срез ливерной колбасы и буханку черного хлеба...

Роман оценил:

– О, правильно! Водка без пива – это кощунство... Пред-

ставляешь, Серега, как с женой я развелся, так все дружба-ны и перевелись. Как будто забыли мой адрес. Я потом долго анализировал, размышлял... И допер! Им экстрим нужен был. Приходят ко мне: «Тук-тук, жены нет?» Нет! Садимся, наливаем, закусываем, отдыхаем... А тут звонок – благоверная явилась. Им, Серега, я тебе скажу, в кайф было, как она меня чихвостила. А когда Ритка в ударе была – и пацанам перепадало. Со сковородой гонялась по всей квартире. Во цирк был!

Ромка вздохнул с сожалением.

Кошкин налил по стопарику. Ромка отложил нож и недочищенную картофелину, взял рюмку. Чокнулись.

– Ну, за встречу! – провозгласил Кошкин.

Роман, изящно отогнув мизинец, выпил: будто в рюмке была не водка, а божественный нектар. Выпил – и закашлялся; торопливо запил пивом.

– Не пошло, – констатировал Сергей. Пиво он пить не стал.

– А-га... – выдавил Роман.

Кошкин показал на стопку кассет:

– Увлекаешься?

– А больше смотреть нечего...

– Слушай, Роман, тут, говорят, у соседки твоей дочка пропала?

– Да какая она дочка ей? Падчерица... Спит и видит, как бы ее из квартиры выжить. Привела еще какого-то Чурбана

или Курбана... Прижился, паразит... Вот из-за него и все скандалы... У меня в квартире тихо, как в лесу, – все слышно. У нее ж отец лет семь назад умер от инфаркта... А Варька с тех пор родственников мужа, а там мать и брат, то есть Машке – бабушка и дядька, так вот, даже на порог не пускает. Боится, что на квартиру будут претендовать...

– А может, девчонка загуляла? Дело молодое, гормоны...

– Гормоны – у гармониста, – разъяснил Роман. – А Машка – она девчонка серьезная, хочет учиться. Работает в парикмахерской... Я так думаю, Серега, они ее и придушили, а труп в лесу закопали...

– С чего ты взял?

– А у них накануне такой крик стоял, – вполголоса сказал Роман, – что я даже проснулся: чего-то падало, грохот. Даже этот гугнивый Курбан, всегда молчал в тряпочку, а тут свои права стал качать... А потом – гробовая тишина...

Кошкин налил по второй. Роман снова отогнул мизинец и, резво подымая рюмку, зацепил им за ручку кружки; кружка опрокинулась, на стол вылился чай.

– Вот незадача... – сокрушенно сказал Роман, чокнувшись с гостем. – Сегодня утром Варвара обзвонилась, по соседям, ко мне прибежала... Машу, говорит, не видел случайно? Не была у тебя? Откуда – от сырости? Чего ей делать у старого холостяка?

– Ну, давай, чтоб разрулилось, – ввернул Кошкин.

Роман снова привычно оттопырил мизинец.

– Чтоб нашлась...

Он задумался, держа рюмку, тут у него зачесалось в носу, он ковырнул мизинцем, и – беда: водка пролилась ему на шорты.

– Ой-е-е-ей!!! – заорал он, будто на ляжки ему пролился расплавленный свинец.

Глаза у Ромки заблестели: то ли от слез, то ли от начальной стадии опьянения.

– А ты попробуй не оттопыривать, – флегматично заметил Кошкин.

Роман вздохнул.

– Привычка... Мою жену тоже это раздражало. А вообще, Серега, чтоб ты знал, это тайный знак принадлежности к дворянству.

Роман закашлялся.

Кошкин торопливо налил водку в рюмку, Роман, кивая, поблагодарил, снова оттопырил мизинец.

– Мизинец!!! – закричал Кошкин.

Роман поспешно пригнул палец. Выпили.

– Вот видишь... наставительно произнес Кошкин, встал из-за стола. – Ну, ладно, Ромка, мне пора.

– А допить?!

– Больше трех нельзя. Служба... – строго пояснил Кошкин.

– Да какая еще служба?

– Да та, которая на первый взгляд как будто не видна, –

усмехнулся Кошкин. – Извини, не успел представиться, видишь, попал сразу в твои дружеские объятия. Даже растерялся... Ты, Ромка, живое ископаемое эпохи развитого социализма. Душа и квартира – нараспашку... Я, Ромка, опер из уголовного розыска, Сергей Кошкин.

Кошкин достал удостоверение, протянул ошалевшему Ромке.

– Ну, мужик, ты даешь, – очумел тот. – Я тут... нараспашку... Значит, ты меня колол? Мастак...

Кухаркин обиделся, замолчал, уставился в окно.

– Ну, чего ты обиделся?

Роман поднял вверх палец.

– Я с тобой водку пил! А ты... Нет у вас, ментов, совести...

– Ну, чего ты, в самом деле? – спросил Кошкин. – Ты ж сам меня пригласил!

– А про условный стук откуда узнал? – буркнул Роман.

– Этот условный стук любая девочка из общежития знает, – наставительно пояснил Кошкин. – Которая мальчика ждет.

– Да, лопухнулся... – Ромка почесал затылок. – Ну, давай допьем, что ли?

– В другой раз. А мне сейчас – к твоим соседям. С Курбаном познакомиться хочу.

– Познакомься... Только ты не говори, что у меня был.

– И ты не говори, что опер приходил.

– Заметано, – согласился Роман.

Обменялись рукопожатием. Роман тихо открыл дверь, выпустил Кошкина. Сергей подошел к двери, нажал кнопку звонка.

Дверь тут же открылась. На пороге стоял Савушкин в куртке. Очевидно, только что вошел в квартиру.

– О как! – изумился Кошкин.

– Тебе чего? – сурово поинтересовался Савушкин.

– Пришел познакомиться поближе.

– Я что тебе сказал? – нахмурился Савушкин.

– Уже был... – тихо ответил Кошкин, кивнув на соседнюю квартиру.

Савушкин по-хозяйски разрешил:

– Ну, заходи...

За спиной у Савушкина молча стояла Варвара.

Кошкин расплылся в дежурной улыбке оперативника.

– Добрый вечер. Можно к вам?

– Добрый... – без эмоций ответила Варвара. – Проходите.

Не желаете ли чаю, кофе с котлетами, только с пылу с жару.

– Спасибо, – вежливо отказался Савушкин. – Обойдемся...

Савушкин и Кошкин прошли в комнату и осмотрелись.

Все свободное пространство было заставлено, заполнено, завалено ажурными скатерочками, фигурками собачек, кошечек, ангелочков, на стенах висели жуткие репродукции с натюрмортами, и в завершение – положенный по бессмертной

моде – сервис «мадонна» в шкафу за стеклом.

Среди всего этого подавляющего изобилия сыщики не сразу и заметили застывшего в кресле Курбана в черной кожаной куртке. Тут он дернулся, не зная, как поступить: встать или продолжать сидеть, приняв хозяйский вид.

Савушкин, заметив Курбана, тоном, не оставляющим альтернативы, рявкнул:

– А вы кто, гражданин? Документы!

Курбан подскочил, будто получил хорошего пинка, быстро достал из кармана куртки азербайджанский паспорт, протянул Савушкину.

– Курбан Степанович Алиев. – Савушкин хмыкнул.

Курбан торопливо пояснил:

– Папа у меня русский, а дедушка – азербайджанец.

Варвара тем временем шустро заскочила в ванную комнату, скинула халат, достала внушительный флакон с какой-то парфюмерией, опрыскалась со всех сторон, особенно основательно – под мышками. Потом резкими движениями поправила прическу, встряхнула грудь, натянула блузку и брюки.

В комнату вошла со свежей улыбкой.

Савушкин и Кошкин принюхались, переглянулись и поморщились: от парфюма Варвары по комнате пошел густой дух.

– Он у вас проживает? – закашлявшись, спросил Савушкин у Варвары.

Варвара с наигранным смущением ответила:

– Он приходит в гости.

– Есть показания соседей, что Алиев проживает постоянно, – внес ясность Кошкин.

– И без регистр-а-ации... – подвел итог Савушкин.

– Мы оформляем документы на постоянную прописку, – тихо сказала Варвара.

– А Мария Олеговна даст согласие? – спросил Савушкин.

– Ну, в принципе, да...

Курбан угодливо поддакнул:

– Она очень привязалась ко мне...

– А вас не спрашивают! – оборвал Савушкин.

– Не из-за этого ли *принципа* у вас в квартире ночью был скандал с криками и грохотом, после которого и пропала без вести Мария Олеговна? – поинтересовался Кошкин.

– Какой скандал? – пожала плечами Варвара и переглянулась с Курбаном.

– Весь дом слышал ваши крики, голос Марии и даже тишайшего Курбана, – с напором продолжил Кошкин. – Есть показания жильцов.

– Это Ромка, филолог занюханный, настучал? – скривилась Варвара. – Да, мы немножко повздорили... Мне же надо устраивать свою жизнь... Годы проходят. Летят, как стая гусей. – Голос Варвары постепенно окреп. – И я вправе выбирать себе спутника жизни без чьих-то указаний и рекомендаций!

– Мне этот дом тоже очень родной стал! – запальчиво воскликнул Курбан. – Здесь часть моей души и сердца! А также ламинат, там вот – унитаз новый, а еще кафель на кухне. Даже картины купил! А Маша – она мне как дочка!

– Сколько вы здесь живете? – перебил отческий монолог Савушкин.

– Да не живу я – только в гости прихожу! – уже, размахивая руками, оправдывался Курбан.

Савушкин, как пасту из тубика, продолжал выдавливать показания.

– Конкретно?

Варвара и Курбан вновь переглянулись.

– Ну, года три, наверное... – хмыкнула Варвара и пожала плечами.

– Все понятно, – безапелляционно произнес Савушкин. – Значит, вы, вступив в тайный сговор, без согласия Марии Лихолетовой решили прописать в квартиру гражданина Азербайджана Алиева. Это и послужило причиной конфликта, в результате которого почему-то бесследно исчезла ваша падчерица, родителям которой и принадлежала эта квартира. Следовательно, у нас есть все основания предъявить вам, гражданин Алиев, и вам, гражданка Шпонка обвинение в похищении или же убийстве вашей падчерицы Лихолетовой Марии.

– Это какой-то бред... – опешила Варвара. – Может быть, она у кого-то из родственников? Ну, может, обиделась...

– Не может! – жестко внес ясность Савушкин. – Все родственники и знакомые опрошены. Кстати, мы просили найти школьный альбом Марии...

– Мы все обыскали, но не нашли.

– Есть хоть какие-то фотографии Марии?

– Что самое странное, не осталось ни одной ее фотографии. Даже в детском возрасте.

– Не поторопились ли уничтожить? – напирал Савушкин.

– Да как вы смеете? – взвизгнула Варвара. – У меня от вас голова кругом идет! Вы просто изверги!

– Зачем женщину обижаете? – взялся было заступиться Курбан.

– А вас, Алиев... – Савушкин повысил голос. – Мы задерживаем за незаконное проживание в квартире без регистрации... Кстати, мы хотим осмотреть комнату Маши.

– Пожалуйста! – махнула рукой Варвара.

Кошкин и Савушкин прошли в комнату девушки. Тут не было показной «роскоши» мачехи: милые куколочки, мягкие игрушки, акварельки на стене, безделушки, открытый учебник, компьютер. Заправленная постель. Подушечки... Девичья...

– Ну, честное слово, она ушла утром, не попрощалась, даже не позавтракала, – взмолилась Варвара. – Ну, не знаю я, куда она пропала.

Варвара подавила спазм, по ее щекам потекли слезы.

– Да, мы сильно поругались. Маша не хотела, чтобы я про-

писывала Курбана. Но мне в жизни не на кого больше опереться. Я работаю кардиологом в районной больнице. После гибели Олега Машка на мою шею села, так и сидит до сих пор. – Для убедительности Варвара показала рукой.

Савушкин уже не слушал.

– Так... гражданин Алиев, собирайтесь, задерживаем вас в административном порядке. А вам, гражданка Шпонка, завтра к пятнадцати часам прибыть в управление, в уголовный розыск. Со всеми документами.

Савушкин повернулся к Кошкину.

– Фотографию Лихолетовой возьмешь в паспортном столе, будем объявлять в федеральный розыск... А вам, гражданка Шпонка, даю ночь, чтобы вспомнить все подробности... *той ночи!*

Савушкин и Кошкин увели Курбана. На лице Варвары – страх и смятение.

2-е число. Поздний вечер

Савушкин устало поднялся по лестнице родного дома, позвонил в квартиру. Дверь открыла жена. Никита коротко чмокнул ее.

– Привет, Наташа.

– Привет... – хмуро ответила, приняхалась, сморщилась, на лице – гамма чувств. – Да-а... Ну и вкусы у твоих женщин. Представляю, как они выглядят.

Громко шлепая тапочками, будто замедленно аплодируя,

приплыла теща.

– Натик, ну, зачем же ты... Ники, наверное, допрашивал особо опасную преступницу, которая пыталась удушить его своей парфюмерией.

– Ближе к истине, Матильда Жановна. Чувствуется жизненный опыт. Были применены отравляющие духи особого назначения.

Наташа бросила ядовито:

– Ты хоть бы душ после нее принял. Простыни там хоть чистые? А то можем выдать комплект...

– А мы на панцирной сетке. Обожаем экстрим...

Наташа не нашла что ответить, а Никита в скорбной тишине прошел на кухню. На подоконнике на видном месте лежали книги – «Парапсихология» и какой-то детектив – новое увлечение Матильды Жановны. Никита сел за стол, положил рядом мобильный телефон, снял блюдо с тарелки: там покоятся сарделька и холодные макароны. Он рассеянно ткнул вилкой. Неожиданно телефон начал призывно мигать. Никита включил, увидел сообщение, адресат – «НАСТЯ». Никита торопливо прочитал: «Извини, действительно была занята. Не пропадай!»

В кухню вошла теща, заглянула Никите через плечо.

– Кто это, Ники?

– Так, по работе.

Савушкин убрал телефон.

– Ники... – укоризненно начала теща.

– Можно не называть меня этой собачьей кличкой? – устало произнес Савушкин.

– Почему собачьей, Ники? – поражено спросила теща. – Так, между прочим, императрица Александра Федоровна называла своего мужа Николая Второго.

– Я не император, Матильда Жановна.

– Но это говорит о вкусе.

– Поэтому плохо и кончили.

– Э-э... Никита, скажи мне, что происходит? Ты перестал называть меня мамой.

– Ваше имя звучит для меня, как мелодия: Матильда Жановна... – почтительно ответил Савушкин.

– Иронизируешь?.. – догадалась теща.

– Отнюдь.

– У тебя нет никакой личной жизни. А временами ты как ненормальный...

– Мама, когда мне показывают окровавленную тряпку, я превращаюсь в бешеную милицейскую собаку. Пока не поймаю зверя... – С этими словами Савушкин вонзил вилку в сардельку. – И сейчас у меня именно такая ситуация... Пропала девятнадцатилетняя девушка. Все признаки похищения или убийства.

– Да? И какие версии? – встревоженно спросила теща.

– Похоже, что причастны мачеха и ее сожитель, – задумчиво ответил Савушкин. – Квартирный вопрос...

– Мне думается, что если бы я только глянула на них, то

сразу бы определила, виновны или нет.

Никита покосился на «Парапсихологию» и детектив, лежащие на подоконнике, но от комментариев воздержался.

– Я приглашу вас в качестве понятой. – Никита пристально, даже оценивающе, посмотрел на Матильду. – Но никто не должен знать, что вы моя теща.

– Клянусь!

Матильда Жановна положила руку на сердце.

3-е число. День

В назначенное Савушкиным время в здание УВД вошла Варвара Шпонка. Она тяжело оперлась на подоконник дежурного и продышала в окошко:

– Я Шпонка. Меня пригласили в уголовный розыск.

Дежурный кивнул, Шпонка с кислой миной на лице стала подниматься на второй этаж. Навстречу под конвоем вели Курбана.

– Кубик! – охнула Варвара.

Курбан взвился, насколько позволяло его положение.

– Варвара, ничего не подписывай!

Порывисто вздохнув, Шпонка вошла в кабинет. Трое присутствующих сотрудников занимались каждый своим делом: Савушкин кричал в телефон, Кошкин писал что-то протокольное, а следователь прокуратуры Миша Белозеров, зевая, перелистывал дело.

– Присаживайтесь! – сказал Белозеров, прикрыв ладо-

шкой очередной зевок.

Варвара села и огляделась.

Савушкин удовлетворенно завершил разговор, положил трубку и, не медля, ухватил Варвару в свои «тиски».

– Итак, Варвара Борисовна, вы не отрицаете, что в ночь перед исчезновением Маши у вас произошла серьезная ссора?

– Ну, какая там серьезная? – спокойно отреагировала женщина. – Поругались чисто по-бабьи...

– Чисто по-бабьи – по квартирному вопросу! – возмутился Кошкин. – Крики слышал весь дом...

– То есть вы считаете, что ваша ссора никакого отношения к исчезновению Маши не имеет? – продолжил Савушкин. – Хорошо, тогда куда, на ваш взгляд, она могла деться?

– А вы у соседа, Романа, филолога вшивого, не интересовались? А ведь Маша чуть что, когда поругаемся, когда нахамит мне, так сразу к нему. Не знаю, о чем они там лясы точили... Книжки давал ей всякие умные-заумные читать.

Белозеров скучно поинтересовался:

– У них были интимные отношения?

– Чего не знаю, того не знаю... Хотя не исключено.

Белозеров, снова зевнув, протянул Варваре документы:

– Вот это подписка о невыезде. Подпишите. И ордер на обыск в вашей квартире.

Варвара хмыкнула, подбоченясь:

– И что же будете искать?

– Машу. Кстати, какая у нее группа крови? – ответил Белозеров.

– Не помню.

– Вы же кардиолог! – напомнил Белозеров, заставив женщину стусеваться.

– К-кажется, вторая. Надо посмотреть в медкнижке. – Она тяжело вздохнула. – Вы всерьез думаете, что это мы ее убили и порезали на кусочки?

– Это вы сами сказали, – бесстрастно ответил Белозеров. – Подождите пока в коридоре... Домой к вам поедем вместе.

Варвара обреченно вышла в коридор, села на стул. Мимо нее на допрос провели соседа Романа. Поздороваться обоюдного желания не возникло, глянули друг на друга волками.

Роман был сейчас с иголки: лоснящийся, прилизанный, с пробором посредине, в костюме и при галстукe. Первым заглянул в дверь.

– Здравствуйте, господа! По ваши души прибыл. Отставной учитель словесности Кухаркин Роман Евгеньевич. – Увидел Кошкина, перешел на легкую фамильярность: – О-о, товарищ милиционер – всем гражданам пример!

– Присаживайтесь, Роман Евгеньевич, – сухо произнес Савушкин. – Скажите, вы хорошо знали вашу соседку Марию Лихолетову?

– Ну, как – знал... – Роман пожал плечами. – Не более как соседку. Еще с детского возраста.

– Она бывала у вас в квартире? – поинтересовался Савуш-

кин.

– Нет. Чего ей делать в квартире старого холостяка?

– А вот ваша соседка Варвара утверждает, что Маша иногда приходила к вам, когда ссорилась с ней.

– Старая змея... – процедил Роман. – Да, приходила, когда училась в школе. Я помогал ей по литературе и русскому языку. Диктанты писали. Я помог ей открыть Булгакова, Аксенова, Довлатова, Искандера... Ну, а сейчас, чем я могу быть ей интересен?

– Простите за прямоту, у вас не было с ней интимных отношений? – спросил вежливо Белозеров.

– Да вы что, ребята?! – Роман округлил глаза. – Она ж для меня всегда ребенком была...

– Как думаете, куда могла исчезнуть Маша? – спросил Белозеров.

– Они и убили ее – из-за квартиры!

– Кто?

– Ясно кто – Варвара и Курбан! – Кухаркин кивнул в сторону Кошкина. – Я же Сереге все вчера как на духу рассказал... Ссорились они все время. А Варька Курбана хочет прописать... Да, теперь уж точно пропишет... – Роман спохватился, прикрыв ладошкой рот. – Только это в протокол не заносите!

Белозеров протянул Роману написанный от руки протокол. Роман достал очки, напустив умный вид, прочитал, расписался на всех листах.

– Мы хотели попросить вас быть понятым на обыске вашей соседки Шпонки, – предложил Белозеров.

– С удовольствием! – расцвел Роман.

– Тогда встречаемся на вашем этаже.

Роман кивнул и вышел. Вслед за ним ушли Кошкин и Белозеров.

Савушкин потянулся к телефону на столе, набрал домашний номер.

– Матильда Жановна, это Никита. Выходите к подъезду, едем на обыск.

– Ура-а!

Теща так бурно отреагировала, что Никита даже отдернул трубку от уха, почесал его и пошел догонять коллег.

Уже вечерело.

В здании УВД зажглись первые окна.

Кошкин сел за руль машины, рядом – Савушкин, на заднее сиденье – Белозеров.

Варвару посадили в отдельный автомобиль.

– Давай, Серега, к моему дому, понятого возьмем, – попросил Савушкин.

Кошкин тронулся, поехали. Вслед тронулась машина с Варварой.

– Ну, и как ты собираешься колоть эту нафталиновую парочку? – спросил Кошкин у Савушкина.

– Пока не знаю. Нужен экспромт.

Когда подъехали к подъезду, теща уже ждала в полной го-

товности. Она надела черный официальный костюм, очень похожий на судейскую мантию.

Савушкин вышел из машины, открыл дверцу.

– Садитесь, Матильда Жановна.

– Вот это экспромт! – оценил Кошкин.

Теща грузно села на заднее сиденье.

– Здравствуйте, товарищи! О, и Сережа здесь!

– Мое почтение, Матильда Жановна! – почтительно склонил голову Кошкин.

– Как поживает молодая семья?

– Лучше всех, – радостно ответил Кошкин.

– Как Ирусик?

– Занимается тантрической аэробикой.

– Мой приветик ей.

– Всенепременно! – пообещал Кошкин.

...В кабине лифта Кошкину не хватило места, и он рванул по лестнице, да так шустро, что успел встретить коллег у дверей лифта на этаже. Кошкин позвонил в квартиру Романа, на этот раз дверь открылась сразу. Роман еще не успел переодеться, стоял в футболке и трусах.

– Я мигом! – выпалил он.

Шпонка открыла ключом дверь, вошла первой, за ней последовали остальные: Белозеров, Савушкин, Кошкин с портативной камерой и, наконец, теща. Последним вошел Роман.

Белозеров объявил:

– Начинаем процедуру обыска. Производится видеосъемка. Понятые, назовите себя.

Кошкин включил камеру, начал снимать.

Теща гордо подняла голову.

– Луканина Матильда Жановна. Домохозяйка.

Следом назвал себя сосед:

– Кухаркин Роман Евгеньевич, в прошлом – филолог, интеллигент.

– Возражения есть против кандидатур понятых? – спросил Белозеров.

– Есть! – резко отреагировала Шпонка. – Интеллигента уберите. Замените на кого угодно, хоть на бомжа.

Белозеров замешкался.

– Хорошо.

Роман ухмыльнулся и молча ушел.

– Я сейчас найду понятого! – сказал Савушкин и набрал номер в мобильнике. – Анастасия Ивановна? Просьба к вам: можете поучаствовать на обыске в качестве понятой? Дело об исчезновении девушки. Адрес: улица Чехова, 5, квартира 34. Прямо сейчас. Ждем вас, процедуру обыска не начинаем!

– Да начинайте, мне нечего скрывать! – крикнула Шпонка. – Давайте!

Она неожиданно подошла к платяному шкафу, начала остервенело вываливать на пол вещи.

– Успокойтесь, мы вовсе не собираемся копаться в вашем белье, – попытался утихомирить женщину Белозеров.

Варвара же метнулась на кухню, что-то загремело, оттуда она выскочила с огромным столовым ножом.

– Вы с ума сошли! – растерялся Белозеров.

Савушкин бросился к женщине, но она тут же как бы смиренно протянула нож рукояткой Никите, тот тотчас забрал его. Варвара схватила подушку с кровати, сунула в нос Савушкину.

– Берите, вспарывайте! Не стесняйтесь! Дай покажу!

Савушкин убрал руку с ножом за спину. Но не тут-то было! Бросив приманку сыщикам, ушлая Варвара схватила с полки открытого настежь шкафа портновские ножницы и осуществила задуманное: рывком, как брюхо свинье, вспорола подушку, начала горстями выбрасывать наружу пух. Матильда Жановна, стоявшая рядом, попыталась отобрать изуродованную подушку, но, получив толчок в грудь, улетела прямо в кресло. Вместе с креслом она опрокинулась, смешно задрав ноги. Варвара захохотала, и в этот момент Савушкин овладел подушкой и аккуратно забрал у нее ножницы.

– Вы усугубляете ситуацию! – пригрозил Белозеров. – Мы это отразим в протоколе!

– Ха-ха! Да, так и запишите: убийство подушки! – не терялась Шпонка.

Неожиданно раздался звонок в дверь. Савушкин пошел открывать.

На пороге стояла Настя.

– Привет!

– Тихо! – шепотом предупредил Савушкин. – Мы мало-знакомы... Как малосольные огурцы в бочке. И не говори, что ты журналистка.

– А кто? – тоже шепотом спросила Настя.

– Не знаю. Сама придумай.

Вместе они вошли в квартиру. Увидев на полу разорванную подушку, летающий пух, Варвару в красных пятнах, Настя только и смогла вымолвить:

– Ого!

– Понятая, назовите себя, – предложил Белозеров.

– Иванова Анастасия Ивановна.

– Профессия?

– Кондиционер! – ответила Настя.

– Что?! – удивился Белозеров и посмотрел на Никиту.

– То есть кондитер, – всплеснула руками Настя. – Конфетки леплю.

– Возражений нет против кондитера? – строго спросил Белозеров.

– Нет, – скривившись, ответила Шпонка.

Белозеров заметил:

– Нас интересуют не столько вещи, сколько документы на собственность квартиры, письма Марии, содержимое ее письменного стола, информация на жестком диске компьютера.

Варвара махнула рукой.

– Идите в ее комнату, посмотрите сами. Я в ее вещах не рылась.

Сыщики прошли в комнату, понятые остановились у дверей, следом с прозрачной папкой с документами вошла Варвара.

– Вот приватизационные документы на квартиру. Вот мой паспорт.

Белозеров повернулся к видеокамере, которую включил Кошкин.

– Ноутбук. Изымается для съема информации на диске. – Повернувшись к Варваре, спросил: – Сохранились ли какие-либо письма?

– Не знаю, – раздраженно ответила Варвара. – Посмотрите в ее столе.

Белозеров открыл стол, выдвинул ящики. Но там лежали только книги, учебные тетради, канцелярская мелочь.

– Сейчас молодежь писем не пишет! – поучительно заметила Варвара. – Все интернетствуют! Бездуховность...

Тут у Савушкина зазвонил мобильник.

– Слушаю, – ответил он. – Что?! Девушка? Убита? Где? В подвале? Говори адрес! Улица Колодезная, 33, – закончив разговор, повернулся к коллегам. – Едем!

– Туши камеру, – распорядился Белозеров.

– Запись окончена. Время... – привычно пробубнил Сергей, глянув на часы, – 21 час 15 минут. Оператор видеозаписи С. Кошкин.

Белозеров прихватил ноутбук, папку с документами, спросил:

– Что там?

– Убийство!

Не дожидаясь лифта, все, как горох, сыпанули вниз по лестнице. Несколько хлопков дверей, и машины кавалькадой ринулись к месту происшествия. Замыкающей в своей машине была Настя. Через несколько минут подъехали к многоэтажке на Колодезной.

Сразу увидели стоявших истуканами у входа в подвал мужчину и женщину с метлами – соответствующей национальности и в соответствующей униформе.

Савушкин первым выскочил из машины, за ним, тенью, Кошкин.

– Ты вызывал милицию? – сурово спросил Савушкин дворника.

– Я, однако! – кивнул тот.

– Где труп?

– Там, – показал дворник на вход в подвал.

– Пошли! – Савушкин подтолкнул дворника.

Дворник отскочил в сторону.

– Не-е, я не пойду!

Савушкин оставил попытку.

– Убийца не выходил?

Дворник покачал головой:

– Нет! Не выходил!

– Не выходил?! – рявкнул Савушкин. – Да ты, наверное, сбежал от страха! В спецовку не навалил? Пошли!

Матильда Жановна было дернулась идти за ними, Никита тут же пресек эту попытку.

– Все остаются здесь! Серега, пошли.

Оба достали пистолеты, а Кошкин приготовил и видеокамеру с фонарем. По ступеням осторожно спустились вниз. Дверь подвала была приоткрыта, на петле висел открытый навесной замок. Кошкин включил фонарь на видеокамере.

Савушкин громко крикнул:

– Это милиция! Выходи с поднятыми руками! Считаю до трех. Раз! Два! Три!

Ответом была могильная тишина.

– Вперед! – тихо скомандовал Савушкин.

Никита рванул первым, за ним – Кошкин с видеокамерой на плечевом ремне.

В первом подвальном помещении не было ни души. По коридору они пробежали дальше и в конце концов уперлись в запасный выход – узкую дверь с английским замком. И тут оба одновременно увидели кровавую дорожку: рубиновые капли ярко отражались в свете фонаря. Дверь оказалась закрытой.

– Никого, – констатировал очевидное Савушкин. – Судя по каплям крови, упырь уволок девчонку с собой. Скорей всего, через эту же дверь они и вошли сюда...

– Естественно, ведь на той двери висел наружный замок, –

заметил Кошкин.

По кровавым каплям Савушкин и Кошкин вернулись в первое подвальное помещение. Следы крови привели в самый угол.

В подвал спустился Белозеров.

– Ну что?

Савушкин почесал нос.

– Здесь он, видно, и прирезал девчонку. Серега, зови всех сюда! Дворников, понятых... Чертовщина какая-то, Дмитрич...

Кошкин кивнул, поднялся наверх, и через минуту в подвал спустилась целая делегация. Все были возбуждены от предвкушения перестрелки, погони за убийцей и сокровенной мечты лично поймать злодея. Но Кошкин всех разочаровал. Тем не менее тайна подвала оставалась неразгаданной, и все сгорали от любопытства.

Настя первой сбежала вниз по лестнице, за ней – величаво – теща. И уже за ними боязливо дворник и его жена. Кошкин снимал все подряд на камеру.

Савушкин спросил Белозерова:

– Дмитрич, разреши, я начну.

Белозеров кивнул, зная, что, пока «горячо», лучшего спеца по допросам не сыщешь во всем Подмосковье.

Савушкин вплотную подошел к дворнику.

– Имя, фамилия...

– Абдул Носиржонов, – торопливо ответил дворник.

– А ваша? – спросил Савушкин женщину.

Дворник махнул рукой:

– Э-э, ей не нада! Это жина...

– Ну и будешь один расхлебывать! Рассказывай все по порядку.

– Какой порядок? – всплеснул руками дворник. – Девушку убили!

– Долго будешь пыль гнать? – перебил Савушкин.

– На мой двор всегда самый лучший порядок! – продолжал разглагольствовать Абдул. – Хочешь, грамоту покажу?

– Кошкин, выключи камеру! – тоном, не предвещающим ничего хорошего, приказал Савушкин. – Рекламная пауза. Сейчас будем «пиарить» дворника. Сам напросился.

– Потом отпиарим жену... – без эмоций добавил Кошкин.

– В хорошем смысле этого слова, – пояснил Савушкин.

– Эй, ты чего говоришь? – испугался дворник. – Меня пярь, жину не надо пярить!

– Ты на что милицию вызвал? – гробовым голосом, усугубленным подвальным эхом, спросил Савушкин. – Ты мужик или нет? Или, как болонка, уже набздел от страха?

– Я мужчина! – Дворник гордо выпятил грудь.

– Кошкин, включай камеру!

Кошкин так же без эмоций исполнил приказание. Вспыхнул красный глаз видеосъемки.

– Да, значит, так, – кашлянув, начал Абдул. – Надо било новый метелка взять. Метелка подвал лежит. Замок, значит,

открыл, зашел, о, смотрю, фонарь большой светит. И девушка в крови вся. Горло зарезано. Ай! И на цепи она, рука на цепи... А там... – Абдул показал в сторону угла. – Очень сильно темно. У-у-у... И тут, где темно, выходит мужик в красный такой халат, и колпак на голове, вот такие дырки.

Дворник показал кружочки пальцами, перевел дух.

– С какими еще дырками? – сурово спросил Савушкин.

– Ты ОМОН знаешь, да?

– Слышал.

– Во такие во... – показал еще раз дворник. – Выходит и очень мне страшно говорит: иди сюда, красавчик, я тебя тоже зарежу! Я посмотрел вокруг: кто красавчик – я?!

– Ну, а дальше? – поторопил Савушкин.

– А дальше стою, ноги почему-то не ходят. А тут жена, глупый женцин, сюда идет, приходит... да? Абдул, говорит, еще лопату надо забрать... Увидела тут все – как закричит. И тут я сразу хорошо побежал.

– Опиши девушку, какая была? Платье? – продолжил спрос Савушкин.

– Волос светлый. Блондинка. Платье белый, кружочки такой были.

Савушкин кивнул, обратился к женщине:

– Как вас звать, уважаемая?

– Наиля, – ответила дворничиха.

– Наиля, вы видели все то, что рассказывал сейчас ваш муж? Убитую женщину и убийцу в красном балахоне и мас-

ке?

Дворничиха кивнула:

– Видела. У девушки цепь с замком на руке была и вот тут... – Наиля показала на балку. – Прицеплена. Платье белое было, узор горошек такой... Она блондинка, да. Очень молодая. 18–19 лет. Я так испугалась и сильно закричала, дернула Абдула за руку, мы вместе убежали.

– Абдул, – язвительно уточнил Савушкин, – слушай, жена ведь тебя из *ступорного* состояния вывела, а ты ее ругаешь.

– Что такое «с-ту-порное»? – спросил дворник.

– Ну, с тупого состояния – то же самое, – пояснил Савушкин.

– А-а, тупой? – Абдул радостно закивал. – Понял...

Потом до Абдула дошел смысл, и он накинулся на жену на родном языке:

– Халды чабуреги, вай-вай, манта плов? Шайтан ханум кичи дурунды метелка!

(Что в дословном подстрочном переводе означало: «*Ты что тут – самая смелая и умная? Ты – глупая женщина, ты – всего лишь младшая метелка!*»)

Супруга не осталась в долгу:

– Шалдырас, агу, сивирисюки!

(Что означало: «*Хоть бы раз спасибо сказал!*»)

– Ладно, хватит сюсюкать, – остановил семейные разборки Савушкин, – пошли наверх. А свет тут есть?

– Нету света. Лампочка – тифисит, – пояснил Абдул.

Все это время Настя незаметно записывала на мобильный телефон показания четы дворников, фотографировала место происшествия.

А Матильда Жановна под шумок отправилась обследовать подвал. Ее обостренное внимание привлек распределительный кран. Увидев валявшиеся рядом окурки, она пришла в восторг, открыла косметичку, вытащила оттуда целлофановый пакетик, пинцет, аккуратно подцепила окурки и спрятала в пакетике. Затем вытащила из сумки огромную лупу, стала осматривать кран.

– Та-ак... ржавчина явно свежая! – торжествующе заключила Матильда Жановна. – Кого хотите обмануть?!

Она попробовала крутануть кран. Неожиданно вырвалась струя пара, вмиг горячий туман заполнил все помещение. Матильда отскочила, как мячик, и, подавив крик, быстро ретировалась.

Успокоившись, она продолжила обследование подвала. Подземный коридор привел исследовательницу к электрощитку с предостерегающим изображением черепа и молнии. Оглядевшись по сторонам, Матильда вновь достала лупу, внимательно осмотрела дверцу. Увлечшись, она даже стала напевать известный милицейский шлягер:

Наша служба и опасна и трудна,
И на первый взгляд как будто не видна.
Если кто-то кое-где у нас порой
Честно жить не хочет...

Но тут вниманием тещи завладел ящик с пожарным краном, который сразу же был скрупулезно осмотрен через увеличительное стекло.

– Откроем ящичек Пандоры, – скептически пробормотала Матильда и решительно распахнула дверцу.

Изучив поверхность могучего пожарного крана, женщина саркастически усмехнулась:

– Отпечатки пальцев, ха-ха, конечно, стерли! И пожарный кран сломали, чтоб дом сгорел, как спичка. Вместе с несчастными узбеками. Ха-ха...

Теща решительно крутанула кран, и тут же мощная струя окатила ее с ног до головы. Поняв, что сотворила стихийное бедствие, Матильда грудью бросилась на кран, чтобы закрыть водный поток: именно так, как поступали моряки на подводке в борьбе за живучесть. Неимоверными усилиями ей удалось повернуть кран обратно, и водная стихия, издав прощальное шипение, иссякла.

Именно в этот момент Савушкин и обнаружил пропажу своей экзальтированной тещи.

– А куда подевалась понятая Луканина?

– Только что здесь была, – пожал плечами Кошкин.

– Матильда Жановна! – встревоженно крикнул в подвальную черноту Савушкин.

– Нет ответа, – прокомментировал Кошкин.

– Куда ее черти понесли? Агата Кристи... Пойду искать.

А теща, мокрая, как лужа, вернулась к электрощитку с черепом. Она решительно открыла дверцу и сразу заметила два торчащих оголенных провода. Осмотрев лупой их концы, Матильда Жановна приняла решение их соединить.

– Непорядок!

Вспышка, треск, искры ослепили женщину, она взвизгнула, мгновенно отскочив к противоположной стене.

Именно этот в самый миг экстремальной развязки подвального путешествия Матильды Жановны и появился Савушкин, который верно шел по запаху тещиных духов.

– Мама, назад! Назад! – закричал Савушкин.

Но маму уже и силком не притащить было к электрощитку.

– Матильда Жановна, что вы тут делали, черт побери? – сердито крикнул Савушкин.

– Я хотела найти следы преступников, товарищ майор, – испуганно прошептала теща.

– А почему вы мокрая?

Теща замялась.

– Я проверяла исправность пожарного крана!

– Ясно, – покачал обреченно головой Савушкин. – А что там шипит? Тоже ваша работа?

В глубине коридора клубился пар.

– Что вы там крутили?! – с неподдельным ужасом спросил Никита.

– Я хотела изъять фальсифицированную ржавчину на кра-

не...

Савушкин нырнул в туман, на ощупь нашел кран, завернул его, шипение прекратилось. Вернувшись к теще, Савушкин с мольбой в голосе попросил более ни к чему не прикасаться. Иначе дом рухнет! И он буквально под руку вывел ее на улицу.

А Белозеров с Кошкиным продолжали обследовать подвал.

– Надо кровь изъять с пола. И опечатать обе двери подвала, – распорядился Белозеров.

Кошкин кивнул, осветил в углу и заметил лоскуток материала, явно от женского платья, показал Белозерову.

– Отлично! – похвалил Белозеров. – Приобщим это к делу.

– Я бы и этих метлоносцев приобщил... к нашему обезьяннику, – заметил Савушкин. – Для их же безопасности.

Кошкин хмыкнул:

– В обезьяннике места – «тифисит».

– Ладно, на сегодня – антракт до утра, – подытожил Никита.

– Бог не выдаст – свинья не съест, – брякнул Кошкин.

– Ну, эти-то метлоносцы на свинину не падки...

– С этими божьими тварями у них перемирие.

– Охрану, что ли, им вызвать? – Савушкин почесал затылок. – Да пока соберутся... Ладно, пошли наверх.

Чета дворников терпеливо, с метелками, по стойке «смир-

но», ожидала правоохранителей.

– Так, многоуважаемые! – деловито продолжил Савушкин. – Вас видел убийца. Так?

Абдул и его супруга Наиля синхронно кивнули.

– Так! Так...

– Он обязательно должен убить вас как свидетелей. Так?

– Так, так... – согласилась чета.

Смысл фразы быстрее дошел до Наили.

– Как так?! За что убить? Абдул-маразмат, не хочу ничего, уезжаем Андижан! Не хочу! Кто я здесь – сраная москвичка!

– Тихо! – прикрикнул Абдул, дернув жену за руку. – Стидно за тебя, младшая метелка!

– Теперь – по умолчанию, – остановил разборку Савушкин. – Слушайте внимательно, товарищи «эсенговцы». Сидите дома и никуда не высовываетесь. Подчеркиваю для тебя, Наиля, как более трезвомыслящей: не высовываетесь! В ваш ДЭЗ я позвоню, разьясню ситуацию... Закупите побольше продуктов. И никому не открывайте! В случае нападения – звоните в ваш местный ОВД. Отзывать только на мой телефон.

Никита сунул картонку с номером Наиле.

– А вы не забудете позвонить, когда можно будет выйти на улицу? – смущенно спросила Наиля.

– Не забудем...

– Представляешь, – хохотнул Кошкин, – забыли позвонить... Вспомнили через полгода, а в квартире – два скеле-

та...

– Ага, и Белозеров приходит к ним с протоколом допроса, – на полном серьезе продолжил Савушкин.

Дворники с ужасом слушали этот треп, не понимая, как реагировать.

– Наиля... – Савушкин глянул на часы. – Хотя бы три дня постарайтесь не выходить из дома. Ради вашей же безопасности. По секрету скажу, мы прямо сейчас выставим у вашего дома очень незаметную охрану.

– А вот какой степен незаметност? – важно поинтересовался Абдул.

– Ты муху видел? – спросил Савушкин.

– Канычно.

– А маленькую мошку?

– Тожи видел.

– И вот представь, на этой маленькой мошке сидит еще одна очень маленькая мошка.

Абдул изумился:

– Такой малэнький?

– Да. И вот эта самая незаметная маленькая мошка и будет ваша охрана.

Кошкин пояснил:

– Нанотехнологии, однако...

Абдул понятливо кивнул:

– Надо, надо тэхнология...

Настя, дождавшись, когда закончили вешать лагман на

уши перепуганным дворникам, подошла к Савушкину.

– Надеюсь, ты меня позвал не только для того, чтобы использовать в качестве понятой? Посидим где-нибудь? День был просто сумасшедший... И ты, кажется, меня приглашал?

Савушкин оглянулся на тещу, которая намертво прицепилась к Кошкину и что-то пылко говорила, вздохнул:

– Не могу... Я заминирован. Сзади – теща.

– Твоя?

– А чья еще?

– Зачем ты взял ее?

– Давно просилась, – печально ответил Никита.

– И я, значит, тоже напросилась?

– Настя, прекрати, – оглянувшись на тещу, с мольбой попросил Савушкин. – Давай завтра?

– Вместе с тещей? – с сарказмом уточнила Настя.

– Да с ней просто экспромт получился – не могли найти понятых.

– И со мной тоже – экспромт? – Настя все более распалась.

– С тобой – эксклюзив! – брякнул Никита.

Прекрасные глаза Насти сверкнули, как искры короткого замыкания, устроенного тещей в подвале. Даже страшнее...

– Да иди-ка ты, Никита, к теще. Иди в семью! Семья – основа бытия! – вынесла Настя приговор. – А я куколкой по вызову больше быть не хочу. Прощайте, Никита! Кстати,

экслюзивы ваши мне тоже не нужны.

Она стремительно и не без изящества села в машину и мгновенно исчезла.

Присутствующие открыли рты.

– А протоколы, блин, кто будет подписывать? – возмутился Белозеров.

Теща, которая уже унюхала особый разговор между Настей и Никитой, напомнила о своем существовании.

– Давайте, где надо там черкнуть во имя правосудия...

Она лихо подмахнула листы, которые протянул Белозеров, и поинтересовалась:

– А чегой-то она так быстро умчалась?

Савушкин нейтральным голосом пояснил:

– Вспомнила, что утюг забыла выключить.

Больше вопросов в этот поздний вечер никто не задавал.

В своем маленьком мирке события дня переживала семейная чета дворников.

Абдул восседал на армейском табурете, Наиля стояла на коленях и по обычаю предков мыла ему ноги в тазу, делая это с великим отвращением, понимая, что в гигантской Москве подавляющему числу женщин такой кошмар и в голову бы не пришел.

Мысли же хозяина были заняты только что услышанным писком комара.

– Слышишь, кричит? – шевельнул пальцами ног Абдул. – Маленький мошка... Может, это наша охрана?

Комар, однако, зудел в разных местах, и Абдул, не желавший тратиться на очки, безуспешно пытался увидеть его. А тут отравленная эмансипированным воздухом Москвы Наиля резко, даже чрезмерно, дернула ногу мужа, давая понять, что надо вытереть. Он, понимая в данную минуту беззащитность своего положения, без слов подчинился, выдернул ногу из воды. Блуждая взглядом, как мартовский кот, Абдул все еще продолжал пытаться увидеть насекомое. Наиля со злостью вырвала из таза вторую ногу, вытереть не стала. А комар летал уже над головой Абдула, делая прицелочные выражи. Наиля встала, выпрямилась, вспомнив вдруг мимолетно картину, висевшую в кишлачном клубе, – «Женщина Востока снимает паранджу»... Комар, конечно же, избрал лысину хозяина квартиры. Абдул все понял, скосил как только можно глаза на лоб и вопросительно посмотрел на жену.

– «Let it be», – сказала Наиля, вспомнив остатки английского языка и любимую песню веселых парней из Ливерпуля, и, сняв со своей крохотной ножки тапочку, прихлопнула комара. Удар по лбу не произвел на Абдула никакого впечатления. Послушная супруга двумя пальчиками аккуратно отклеила трупик насекомого и бросила в тазик.

Абдул, в предвкушении всех прелестей Камасутры, покровительственно похвалил:

– Молодец! В моем доме мошка никогда не будет защищать женщину!

3-е число того же самого. Очень поздно

Еще одна московская супруга в тот поздний вечер ждала запропастившихся куда-то мужа и еще – свою маму. Муж, впрочем, раньше одиннадцати вечера и не приезжал. Наконец тренькнул звонок, Наташа бросилась открывать. На пороге стояли расстроенный Никита и все еще возбужденная Матильда Жановна.

– Вы вдвоем? – изумилась Наташа.

– Да, мы с Никитой ездили на задержание убийцы! – с легкой небрежностью сообщила мама.

– Ужас! – Наташа застыла, переваривая новость. – И что?

– Ускользнул из рук буквально в последнюю минуту, – начала рассказывать теща. – Представляешь? И утащил с собой мертвую деву.

– Я подогрею ужин, потом расскажешь! – крикнула уже из кухни Наташа.

– Ужин отменяется! – объявила теща. – У нас срочная летучка!

Она решительно прошла в комнату, Наташа вынужденно подчинилась, зная, что тут лучше уступить. Никите уже было все равно.

– Никита, можно я буду называть тебя по званию? – заговорщицки спросила теща.

Никита переглянулся с женой, она пожала плечами и развела руками.

– Да-да, конечно!

– Товарищ майор, у меня есть очень серьезные наблюдения и выводы по делу... Ната, разговор служебный, поэтому посиди пока на кухне.

Наташа криво усмехнулась, вздохнула и пошла на кухню.

– И не вздумай подслушивать!

Неожиданно Матильда Жановна метнулась к рабочему столу, взяла лист бумаги и маркеры. Из-под ее руки стали выползать круги, стрелы, кривые прямоугольники.

– Очертим круг подозреваемых! – запальчиво приступила теща. – Варвара, Курбан... Извечный квартирный вопрос! Булгаковщина! А там, где булгаковщина, там чертовщина!

– Черт ногу сломит...

– Совершенно верно, Никита, то есть товарищ майор. Следующий, кто у нас на подозрении – и не случайно: со-о-сед! – Матильда Жановна написала это слово в кружочке. – А ему какой интерес? Отвечаю: он тайный педофил! И, зная это, Варвара незаметно поощряла визиты падчерицы к Роману. Чтобы потом на него пало подозрение. Ха-ха! Все кубики складываются очень даже... прикольно, как говорит молодежь.

Теща, потирая ладони, сделала круг по комнате.

Вошла Наталья с подносом, на котором стояли две чашки с чаем и тарелка с бутербродами.

– Не заходи!!! – страшно крикнула Матильда.

Наталья попятилась назад, чуть не уронив поднос.

– Очень интересно... – похвалил Савушкин. – Ну, и кто

же был убийца в балахоне? Роман?

– Не было никакого убийцы в балахоне! Не было кошмара на улице Колодезной!

– Вы хотите сказать, что дворники сочинили всю эту историю?

– Дворники и были исполнителями убийства! Именно так! А историю про мужика в красном балахоне сочинила Варвара. Она же наняла Ахмеда и его жену для похищения и последующего убийства девушки.

– Хорошо, а кто же тогда, по мысли Варвары, подразумевался под мужчиной в балахоне?

– Товарищ майор, Ники, мне стыдно за тебя! Ну, конечно же, Роман! Сосед-педофил, который долго мечтал реализовать свои похотливые намерения... И как бы ждал совершеннолетия Марии! Так что, товарищ майор, дело на улице Колодезной раскрыто. Как говорится, не кидай в колодец стреляного воробья. Вылетит – не поймаешь! Ната!

Наталья вошла, печально вздохнув на пороге.

– Значит, так. Чаем с коврижками не обойдешься. Готовь праздничный ужин!

– Я не против... – поддержал Савушкин.

– Не против моей версии? – уточнила теща.

– Не против ужина.

– Никита! Я дарю тебе это раскрытие! И надеюсь, что теперь ты не будешь приходить домой поздно!

Савушкин вытянулся во фрунт.

– Под вашим руководством, мама, преступления будем раскрывать, не выходя из дома!

4-е число, где-то после 12.00

В любом возрасте, подходя к школе, ощущаешь смутное волнение и в дымке удаляющихся школьных лет вспоминаешь легких, прозрачных, как феи, одноклассниц в форме с белыми передничками, учителей, таких сомнамбулически нереальных. Вдруг зазвеневший звонок возвращает тебя, разомлевшего, ко дню сегодняшнему, в котором ты инородное тело в глазах детворы, хлынувшей на перемену из классов, некий *странный дядя*.

Во дворе школы Савушкин договорился встретиться с классной руководительницей Маши Лихолетовой. Когда из дверей вышла женщина, которая ощутимо излучала доброту, Савушкин понял, что это именно она, и пошел навстречу.

– Здравствуйте, вы – Светлана Васильевна?

– Здравствуйте. Да, я.

– Разрешите представиться: Савушкин Никита Алексеевич из уголовного розыска.

Ларионова отреагировала, как и все, услышав зловещее сочетание «уголовный розыск». И если б у нее сейчас померили давление, оно наверняка было бы подскочившим.

– Да, мне директор говорила, что приходили из милиции. Скажите, о Маше по-прежнему никаких известий? – заметно волнуясь, спросила она.

– Пока никаких... Хотел бы поговорить, сами знаете о ком, Светлана Васильевна... Может, пройдем в парк?

До самого парка прошли молча. Тенистые аллеи вдали от любопытных глаз учеников и учителей располагали к открытости. На что и рассчитывал Савушкин.

– Просто невыносимо, когда не можешь ничем помочь ребенку... – первой начала Ларионова. – Может, за нее хотят выкуп... Хотя откуда у девятнадцатилетней девушки деньги? Мачеха в больнице работает...

– А не могла ли она уехать с кавалером, который вскружил ей голову? – спросил Савушкин.

– Вряд ли... Она всегда отличалась холодным рассудком, трезвым умом... Да и оставить квартиру мачехе? Нет... – Ларионова порывисто вздохнула. – С ней случилась беда... Сейчас люди исчезают среди бела дня. Вот вы в милиции работаете. Когда этот беспредел закончится?

– Честно сказать? Не знаю... – Никита развел руками. – У нас некоторые законы будто специально для бандитов написаны, а милиция – по рукам и ногам связана...

– И как же вы собираетесь ее искать?

– Как обычно: отработкой ее связей, знакомых, друзей, поиском свидетелей. Кстати, с кем она дружила в школе, в классе?

– Дружила она... – Ларионова призадумалась. – Дружила она, пожалуй, только с Олей Костомахой...

Они прошли еще некоторое время по аллее, потом повер-

нули обратно.

– Светлана Васильевна, я понимаю, что уже прошло достаточно много времени и вы за свою жизнь не одну сотню учеников выпустили, – после затянувшейся паузы продолжил Савушкин. – И все же, если что-то вспомните о Маше, о ее окружении, товарищах, может быть, какие-то конфликты были... Вот, если что, позвоните мне по телефону.

Никита протянул визитку.

– Она не была конфликтной, но умела поставить на место, – заметила Ларионова. – Незаурядная, скажу вам, девочка. Как говорится, с лица не общим выраженьем... Обещайте, что позвоните, когда будет хоть какая-то весточка о Маше...

– Обещаю... – кивнул Савушкин. – Всего доброго, Светлана Васильевна.

– До свидания, Никита Алексеевич.

Никита проводил учительницу взглядом, достал список телефонов одноклассников, нашел фамилию «Костомаха Ольга», сразу набрал номер.

– Оля, здравствуйте, беспокоит Савушкин Никита из районного уголовного розыска. Скажите, ведь вы были подружкой Маши Лихолетовой?.. Не могли бы со мной встретиться, скажем, через час, у входа в центральный парк? Хорошо? Тогда – до встречи.

В этот день состоялась еще одна встреча, нежданно-негаданное свидание двух расчетливо любящих сердец.

Звонок в квартиру заставил Варвару содрогнуться всем телом. Она тихо подошла к двери, глянула в «глазок». На пороге стоял воровато озирающийся Курбан. Она открыла, он торопливо вошел.

– «Хвост» не привел за собой? – озлобленно спросила Варвара.

– Какой «хвост»? – опешил Курбан. – Меня отпустили, под подписку о невыезде.

– А я думала, ты сбежал, как граф Монте-Кристо, – без твоей улыбки произнесла Варвара. – Ну, проходи, Монте-Курбан...

Курбан снял обувь, явив хозяйке предельно грязные ноги, босиком прошел на ковры.

– А носки где? Чучело! – зажав нос, спросила Варвара.

– В обезьяннике на сигареты поменял, – небрежно пояснил Курбан. – У бомжа...

– Представляю, что за сигареты... – хмыкнула Варвара. – Я вот думаю, как бы они про квартиру на Пионерской не пронюхали.

– Я тебе давно говорил: давай продадим!

– В наше время квартиры продают только идиоты! Тут еще эта понятая Иванова появляется, ох, не случайно...

– Которая? – спросил Курбан.

– Ну, эта, молодая...

– Кондитер?

– Какой, на хрен, кондитер? – повысила голос Варвара. –

Она такой же кондитер, как ты – член палаты лордов! Она – журналистка из районной газеты. У нее серия материалов была по «черным риэлторам», ну, по скупщикам квартир. И под меня подкапывалась, мерзавка! Но ручонки коротки оказались!

– Варя, ну, давай, я по-быстрому эту квартиру продам! – запричитал Курбан.

– Я лучше тебя самого продам: живым весом, с ботинками, – отрубил Шпонка. – И носки в подарок.

Ко входу в городской парк Савушкин подъехал на машине. Чтобы скоротать время в ожидании Ольги и приглушить проснувшийся голод, купил эскимо на палочке. Только развернул холодную оберточку и впился зубами в шоколадный цилиндрик, как ко входу, явно на встречу, подошла молодая привлекательная брюнетка. Никита сокрушенно посмотрел на мороженое, со вздохом опустил его в урну и направился к девушке.

– Девушка, простите, вы не Оля? Савушкин.

– Не-ет! – удивленно протянула девушка.

Савушкин не заметил, как за спиной его вырос здоровенный битюг. Он с ходу попер в атаку.

– Ты чё к девчонке клеишься, пижон? Ни на минуту оставить нельзя! «Вы не Оля-я?..» – куражливо передразнил он. – Умней не придумал, как знакомиться?

– Петя, да что ты к нему пристал? – затеребила его за рукав девушка. – Молодой человек просто ошибся...

– Знаем, как ошибся! – продолжал напирать битюг. – Вали в свою деревню, валенок...

– Я, вообще-то, из уголовного розыска... – предельно спокойно пояснил Савушкин. – И что правда, то правда: простые мы, как валенки. Обуваем наглецов так, что только уши торчат. Но так как ты с девушкой, я тебя прощаю...

– Петя, пойдем. – Девушка занервничала в предчувствии мордобоя.

Тут, на счастье, кто-то дернул Никиту за рукав. Он обернулся, перед ним стояла крошечная девчушка.

– Простите, вы – Никита?

– Да, – ответил Савушкин.

– А я – Оля.

– Слава богу, – сказал Савушкин.

Девушка рассмеялась.

– Пошли, Отелло!

Битюг с озадаченно-тупым выражением послушно поплелся за подружкой.

– У вас что-то случилось? – любопытствовала Оля.

– Впервые нюх подвел... – пробормотал Савушкин. – Хотите мороженого?

– Хочу, – не стала отказываться Оля. – Ни разу милиционеры не угощали...

Савушкин взял две порции, они вошли в парк, сели на скамейку.

– Скажите, Никита, есть хоть какая-то надежда найти Ма-

шу? – строго спросила Оля, уплетая мороженое.

– Надежда есть... Вы с ней дружили?

– Да... Последний раз встречались где-то полгода назад.

Посидели в кафе...

– Чем дальше уходят школьные годы, тем реже встречи...

Маша доверяла вам свои тайны?

– Да, но не всегда. Все зависело от ее настроения. – Оля задумалась. – Она очень неровный человек, самолюбива, то вспыхивает, то угасает, теряет ко всему интерес... Иногда впадала в депрессию. И я как могла старалась развеять ее. Ездили в Москву, гуляли по Арбату, на Манежной, таскала ее на модные выставки.

– А какие у нее отношения были с мачехой?

– Она на эту тему никогда не говорила. – Оля пожала плечами. – И я не спрашивала. Ясно, что не очень-то любила.

Отец умер, осталась чужая тетя...

– А были у нее конфликты с одноклассниками?

– Да нет, особых не было. Характер у нее резкий, колючая, как еж. Сразу иголки наружу...

Тут Оля проглотила большой кусок мороженого, и у нее свело горло. Отдышавшись, она продолжила:

– Да, вот, правда, была история, давно, по-моему, в пятом или шестом классе, когда ее взяли сниматься в кино.

– В какое кино? – удивился Савушкин.

– Да вот, знаете, по телевизору идут документальные серии про бандитов. «Криминальные истории», кажется, назы-

ваются. Я их сама не смотрю. И вот Машка снялась вот в таком фильме, «Девочка на цепи» назывался.

– Что?! Как ты сказала? – чуть не подпрыгнул Савушкин.

– «Девочка на цепи»... – повторила Оля. – А вы не знали? Роль, конечно, жуткая... Фильм был про то, как детей похищали. И вот она тоже играла такую украденную девочку; ее вымазали грязью, грим сделали, так что губы как бы потрескались, приковали цепью в каком-то подвале. Очень страшное кино... Я так думаю, это мачеха ее заставила, чтоб денег на ней заработать.

– Одноклассники видели этот фильм?

– Да, и очень многие. Лучше бы она не снималась...

– Почему? – быстро спросил Савушкин.

– Ну, начали ее доставать. А вот, типа, кинозвезда пошла... Потом кто-то придумал кличку: «болонка на цепочке». А у нее волосы тогда были светлые такие, вьющиеся. А один идиот, Гришка Хлопухин, двоечник и дебил, когда Маша появлялась в классе или он встречал ее на улице, так становился на четвереньки и лаял. Все ржали... В общем, у Маши был нервный срыв, она целый месяц в школу не ходила.

– А что же учителя – не знали? – возмущенно спросил Савушкин.

– Да, не знали... – тем же тоном ответила Оля. – И Машу совсем затравили... У нас тогда и классной не было, никто из учителей не хотел брать наш класс под руководство. Мальчишки – одни придурки и отморозки. А вот девчонки

– нормальные были.

– Контрастный класс... – оценил Савушкин. – А парень-то есть у Маши?

– Не знаю...

– А о чем вы говорили, когда встречались последний раз?

– Да так, о пустяках. Перебирали девчонок класса, кто как устроился, кто замуж вышел...

– Значит, фильм назывался «Девочка на цепи»? – Савушкин призадумался. – Оля, о нашей встрече, пожалуйста, никому не говорите... Хорошо? Иначе это сильно повредит поискам Маши.

Никита встал первым, за ним вскочила Оля.

– Это так серьезно?

– Да. Всего доброго, Оля. Мой телефон у вас есть. Если еще что-то вспомните, звоните.

– Хорошо. До свидания, Никита.

Оля ушла. А Савушкин в задумчивости побрел по аллее. Вдруг призывно запищал телефон: пришло сообщение. Никита глянул: это была Настя. Он прочитал послание: «Извини, я сорвалась. Давай встретимся?» Савушкин тут же набрал номер.

– Привет, это я! И я тоже сорвался... и лечу в пропасть. И только ты можешь меня спасти!

Настя засмеялась:

– Задача не из простых. Постараюсь хотя бы замедлить твое падение.

– Ну, что – тогда в нашем кафе? – предложил Савушкин.

– Когда?

– Сейчас.

– Хорошо, – после секундного раздумья согласилась Настя.

– Я за тобой заеду.

Никита буквально выскочил из парка, сел в автомобиль. Подъезжая к месту встречи, позвонил Насте по телефону.

– Настя, я подъезжаю.

Настя ждала на улице. Савушкин остановился рядом, выскочил, открыл дверцу.

– Ты так быстро! – с приятным удивлением произнесла Настя.

– И ты быстро! – с грустью ответил Савушкин.

Настя села в машину, внимательно посмотрела на Никиту:

– Ты какой-то не такой сегодня...

– А ты сегодня – просто неземной красоты... – с романтическим придыханием ответил Савушкин. – И вместе с тобой воспарим над грешной землей.

И случилось то, чего не миновать: Настя и Никита впервые слились в страстном поцелуе.

– Затяжной... – отдышавшись, оценила Настя. – У тебя сегодня поэтическое настроение?

– С тобой, солнышко, и глухонемой стихами заговорит.

Савушкин тронул машину и, чтобы сократить путь, пересек двойную линию. И тут же попал под свисток инспектора.

Чертыхнувшись в душе, остановил машину.

– Чтоб ты лопнул от взяток! – не удержался Савушкин.

Инспектор вразвалку пошел к машине.

– Инспектор ГИБДД лейтенант Криворулько! – представился он чинно. – Вы грубо нарушили правила дорожного движения: пересекли двойную полосу. Ваши документы!

Савушкин протянул служебное удостоверение.

Инспектор небрежно открыл, посмотрел и вернул. Но вместо ожидаемого: «Езжайте, но так не нарушайте!» – он произнес: «Предъявите удостоверение на право управления автомобилем, товарищ майор!»

Савушкину показалось, что он ослышался.

– Лейтенант, ну ты чего, свои же!

– Вы свидетельство о браке не показываете на проходной в ГУВД? – тоном, не предвещавшим ничего хорошего, продолжил инспектор. – Не показываете! Вот и на дороге за рулем надо предъявлять удостоверение на право управления!

– Кошмар! – потрясенно произнес Савушкин. – Что тут с вами происходит?

Никита достал права на вождение, техпаспорт, протянул инспектору.

– Месячник у нас происходит: борьбы с нарушителями ПДД в милицейских погонах, – злорадно пояснил инспектор.

– Нашли врагов... – пробормотал Савушкин. – Может, как-то договоримся по-человечески?

Лейтенант не преминул устыдить:

– Мы взятку не берем! И не стыдно предлагать, гражданин майор?

– Уже гражданин?

– В соответствии со статьей 12.15.3 Кодекса об административных правонарушениях «Выезд на встречную полосу», отягощенный пересечением двойной сплошной, наказывается лишением водительского удостоверения, – вынес сурово приговор инспектор и, не медля, положил удостоверение Никиты в планшет.

– Товарищ лейтенант... – взмолился Савушкин. – Гражданин лейтенант! Вы меня задержали, а я ведь опаздываю на служебное задание! А вам вот – непременно надо «палку» в отчетность поставить...

– Ага, по тревоге, и с помадой на щеке! – иронично подметил инспектор.

Савушкин глянул в зеркало в салоне, лихорадочно стер ладонью.

– Вот и разобраться надо, кому из нас *палку* ставить... – добил Савушкина лейтенант.

Он скоренько настрочил протокол задержания, дал подписать Савушкину. Никита с ненавистью подписал, получил свой экземпляр.

– Значит, своим войну объявляете? – покачал головой Савушкин.

– Для закона своих нет: все – чужие! – наставительно заметил инспектор.

Он козырнул и отошел ловить других нарушителей в погонах.

Савушкин тронул машину.

– Ну, ты смотри, что творится! – возмущенно оценил дурацкую историю с гаишником Савушкин. – Просто полный беспредел.

– Ну, ты ведь действительно нарушил правила! – заметила Настя.

– Вот и ты тоже, – обиделся Савушкин. – Весь мир строит козни против нас! А ты: нарушил, нарушил... Гаишница-яичница!

Уже не разгоняясь особо, Савушкин подъехал к кафе, шустро открыл дверцу перед Настей, помог выйти.

Он сразу повел Настю в конец зала. Встретившаяся по пути женщина-администратор пожелала им доброго вечера. Савушкин тут же поинтересовался, есть ли у них VIP-зал.

– Постараемся найти, – чуть усмехнулась администратор. – Отдельный кабинет.

Тут у Савушкина, как всегда, некстати зазвонил мобильник.

Еще не вытащив из кармана телефон, Савушкин взорвался:

– Да что же вы от меня хотите?

Администратор выпучила глаза.

– Это не вам – телефону... – поторопился объяснить Савушкин и, не глядя, кто звонит, отключил телефон.

– Надо время от времени менять мелодию телефона, – посоветовала Настя. – Помогает.

– А лучше – номера телефонов, – буркнул Савушкин.

Они вошли в кабинет, сели на бархатный диван. Тут же без лишних слов слились в поцелуе. Заглянул официант и сразу исчез.

– Знаешь, какая у меня мечта? – спросил Савушкин. – Уехать с тобой за сотни верст в какую-нибудь глухую деревню, где сохранился патриархальный уклад, где нет ни телевидения, ни мобильной связи, и в этой зоне *покрытие* осуществляет только местный бугай – своих ласковых буренушек с длинными ресницами. А, каково? Лежали бы с тобой на стоге сена, глядели в небо. А когда гроза – в садовом шалаше укрылись бы. Гром бы разрывал небо, и дождь – сплошная серебряная стена шумящей воды. И пили б парное молоко, которое приносила бы нам хозяйка. Здорово?

– Ты просто угадываешь мои сокровенные мечты, – усмехнулась Настя.

– Правда?

Тут в дверь постучали.

– Можно, – разрешил Савушкин.

– Добрый вечер! – сказал официант, положил меню и удалился.

– Мы по скромному, ладно? – попросила Настя.

– Как скажешь.

Савушкин открыл меню, пролистал.

– Парного молока нет... Придется пить вино.

– А тебе нельзя! – тут же отреагировала Настя.

– Уже можно, – махнул рукой Никита. – Второй раз права не отберут.

Настя взяла меню, стала перелистывать.

Вновь беззвучно появился официант.

– Бутылку красного вина, – попросил Савушкин. – Сухо-го. Марочного.

– И какой-нибудь легкий салат, – добавила Настя.

– Два салата и сыр, – уточнил Савушкин.

Официант поклонился и вышел.

– Тебе, наверное, интересно, что нового в деле пропавшей Марии Лихолетовой?

– Да. Как понятая я все же надеюсь на доступ к информации.

– Ладно, раз обещал... Маленькая сенсация, но не для печати... Шесть лет назад Маша снималась в сериале «Криминальные истории». Знаешь, по телевизору гонят?

– Знаю.

– Фильм назывался «Девочка на цепи». Фильм о похищении детей с целью выкупа. Маша сыграла в нем реконструкцию событий. В подвале, на цепи, с гримом и всеми ужасами.

– Представляю, какую психологическую травму ей пришлось пережить.

– Самое ужасное было после премьеры, – продолжил Савушкин. – Девчонку буквально затравили одноклассники.

Кто-то придумал ей кличку «болонка на цепи», а один debil, когда она приходила, становился на четвереньки и лаял.

– И представить страшно...

Настя ужаснулась.

– И вот, Настя, спустя шесть лет кому-то пришла идея сделать римейк фильма. Если, конечно, труженики метлы и лопаты все это не присочинили. Впрочем, на кого, на кого, а на твоих коллег-сочинителей они уж совсем не похожи.

Официант принес салаты, сыр, налил вино в фужеры и, пожелав приятного вечера, тихо удалился.

– За встречу? – предложила Настя.

Савушкин вздохнул:

– Да, Настя, и очень долгожданную.

Похвалив вино, Настя спросила:

– Это мачеха заставила ее сниматься в этом киношедевре?

– Вне сомнений. Можно представить, каково ей пришлось после смерти отца.

– А ты знаешь, отчего он умер?

– Кажется, острая сердечная недостаточность.

– А какая специальность у Варвары, знаешь? – спросила

Настя.

– Кардиолог...

Настя кивнула.

– А умер ее отец, знаешь, где? – И, выдержав паузу, ответила: – По пути в районную больницу... И это мужик, который, по отзывам друзей и родственников, никогда не жало-

вался на здоровье.

– Черная вдова? – усмехнулся Савушкин.

– Ты попал в точку... – мрачно похвалила Настя. – Я наводила справки. Есть препараты, которые в сочетании, например, даже с небольшими дозами алкоголя вызывают острую сердечную недостаточность. Любой кардиолог назовет тебе эти дьявольские таблетки. А своевременно не оказанная медицинская помощь приводит к гарантированному летальному исходу... Отец Маши – Олег Лихолетов – умер в день своего рождения. Человек малопьющий в этот день гарантированно должен был выпить хоть пару рюмок спиртного. И выпил...

– Откуда ты все это знаешь? – Савушкин отложил вилку.

– Четыре года назад я проводила собственное расследование. – Настя взяла фужер с вином и, посмотрев на свет, оценила его багрянец. – У меня было несколько материалов по «черным риэлторам». У тебя, наверное, тоже были такие дела: исчезали хозяева квартир, вместо них заселялись новые.

– Было несколько дел, – кивнул Савушкин. – Банда в восемь человек, всех посадили. Трое хозяев квартир до сих пор – без вести.

– А я работала в соседнем районе по заданию одной серьезной газеты. Раздобыла списки проданных за последние годы квартир. И решила установить: живы ли прежние владельцы? Каторжный труд, скажу тебе! Выезжала в заброшенные деревни, где опустившимся старикам давали с мизерной

доплатой развалюхи в обмен на их весьма приличные городские квартиры. И вот наткнулась на эту Варвару Шпонку. Восемь лет назад она по завещанию получила четырехкомнатную квартиру, принадлежавшую отцу и матери ее мужа Василия Лаптева. Он скоропостижно умер девять лет назад. Угадай причину смерти.

– Та же?

– Да – острая сердечная недостаточность. У меня буквально волосы дыбом встали, когда я узнала, что с интервалом в полгода умирает свекор, а через три месяца – свекровь. Инфаркт, ишемическая болезнь... Со стариками было проще. Заставила их написать на свое имя завещание. И она завладевает элитной квартирой, как сейчас помню, на улице Пионерской. Хотя на квартиру мог претендовать и их старший сын. Но не стал. Я встречалась с ним. Пожилой уже человек. Варвара, оказывается, сказала ему: «Смотри, чтоб никаких поползновений на квартиру. А то сдохнешь от инфаркта!»

– И кто сейчас в этой квартире живет? – спросил Савушкин.

– Ее сын от самого первого брака. Ему около двадцати лет. До этого он жил у своего отца.

– А этот-то, первый, муж жив?

– Жив... Обитает в коммуналке...

– Не женщина, а просто вампир, – хмыкнул Савушкин. – Но вот зачем ей надо было устраивать такой спектакль в подвале?

– Смерть от инфаркта девятнадцатилетней девушки вызвала бы тучу подозрений, – пояснила Настя.

– Ты права, – согласился Савушкин. – Поэтому она и организует этот кровавый римейк, уже по-взрослому. Смерть девушки всех потрясает. Под подозрение попадают практически все, кто видел, делал этот фильм и знал Машу: начиная от съемочной группы, кончая садистами-одноклассниками и соседями.

– Вот все вроде бы склеивается, кроме одного нюанса. – Настя сделала эффектную паузу. – Мы не знаем, где Маша: живая, полуживая или мертвая. Всю правду знает только Маша. Или убийцы...

– Ты сохранила документы расследования по квартире на Пионерской?

– Да, они у меня в редакции. Завтра можешь заехать и забрать.

Настя и Никита молча допили вино. Савушкин призадумался. Вспомнил про время, попросил расчет.

– Спасибо за ужин, – поблагодарила Настя.

– Спасибо и тебе. – Савушкин погладил Настю по руке. – С тобой так уютно...

По пути к выходу Савушкин опрометчиво достал телефон и тут же увидел массу неотвеченных вызовов. Пришлось наскоро просмотреть их.

– Ждут? – поинтересовалась Настя.

– Подождут, – отмахнулся Савушкин.

Молча сели в машину. Савушкин позабыл открыть ей дверцу: устал. Настя села рядом. Не проехали и ста метров, как Настя потребовала:

– Останови здесь, я дальше пешком пройду, воздухом подышу.

– Давай подвезу тебя к подъезду, – стал не очень уверенно настаивать Савушкин.

– Не надо! – твердо оборвала его попытки Настя и кратко, как точку в конце поэмы, обозначила поцелуй. – Звони.

Савушкин удрученно проводил ее взглядом и поехал домой, предчувствуя, что случится какая-то гадость.

А Настя тем временем шла по подворотням к себе домой, размышляя о полной бесперспективности завязавшегося романа с милиционером Никитой. Она не заметила силуэтов мужчины и женщины, как бы приклеенных к стене ее дома. Женщина тенью тотчас торопливо исчезла за углом, а мужчина в надвинутой на глаза большой кепке не спеша направился к Насте. Когда он подошел ближе, Настя с ужасом увидела, что у незнакомца к тому же на голову был натянут капроновый чулок. Так, в бытность школьниками, развлекались ее одноклассники: лишь вблизи видишь жуткое лицо со смазанными чертами. Настя решила не паниковать, тем более мужчина не проявлял агрессивности, поравнявшись, прошел... Но удар стал неожиданным, уже в затылок, потом, ослепляющий, сильный, в лицо, потом еще один. Настя рухнула на землю, как во сне, издали услышала голос с еле

выраженным кавказским акцентом:

– Не суй свой нос куда не надо, журналюха...

Сюрприз таки подждал Савушкина. Дверь родной квартиры ему открыл озлобленный полувывбритый коротышка.

– Ну, чего тебе? – с ненавистью спросил он.

Савушкин отшвырнул мужичка, вошел в комнату и остолбенел: в квартире орудовала съемочная телегруппа. На штативе возвышалась видеокамера, на диване с парадным выражением на лицах сидели теща и жена Наталья, в руках они гордо держали грамоты в рамках – «Благодарности» от заместителя министра внутренних дел. Коротышка оказался оператором. Худая мадам в крупных очках, как видно, режиссер, всю костерила его:

– Саврас, ну, что там опять возишься, десятый уже дубль снимаем! И все без толку!

В комнате также находился человек с микрофоном в руке. Он записывал интервью у «отблагодаренных» женщин.

– Что в тот момент у вас превалировало, – вопрошал он, – осознание гражданского долга, инстинкт охотника или обостренное чувство справедливости?

Никита догадался, что грамоты вручены за давний уже эпизод задержания карманника на рынке, но не подал виду.

– Никита, Ники, выйди, выйди, пожалуйста, у нас съемка! – затрясла грамотой Матильда Жановна и, повернувшись к камере, елевым голоском ответила: – Я бы сказала, обостренный инстинкт гражданина и охотника.

Никита, пожав плечами, повернулся, и... уже было пошел на кухню.

– Стойте, назад, назад! – всплеснула руками режиссер. – Вы – муж? Сейчас все будет по-другому! Вы входите, видите награжденных маму и жену, радуетесь вместе с ними, подхватываете обеих и начинаете кружить их. Они у вас типа – под мышками.

– Что это за грамоты? – сурово спросил Никита.

– Никита, – хмыкнув, горделиво ответила теща, – нам объявлены благодарности заместителя министра внутренних дел Российской Федерации.

– За задержание особо опасного преступника! – пискнула Наташа.

– И проявленные при этом мужество, инициативу и силу духа, – добавила теща.

– Наконец-то... – порадовался Савушкин. – И полгода не прошло. Поздравляю! Я горжусь вами...

Никита подошел к теще, поцеловал ее в щеку, затем чмокнул и жену.

– Не так, не так, не так! Не верю!!! – взвилась режиссер.

– Хотите, чтоб я разрыдался? – мрачно глянул на тетку Савушкин.

– Нет! Вы входите в квартиру...

– Юлиана, а как же мои синхроны? – раздался обиженный голос человека с микрофоном. – У меня еще целый перечень прикольных вопросов...

Режиссер отмахнулась:

– От твоих приколов, Петя, только уколоться и забыть-ся!.. – Она повернулась к Савушкину. – Итак, вы входите в квартиру. Вам открывает жена, в руке у нее – грамота, проходите в комнату – там ваша теща, в руке у нее – тоже грамота!!! У вас буря чувств, вы обхватываете жену, тещу, приподнимаете и начинаете кружиться с ними. У вас хорошая фактура, вы здоровенный мужик, именно так бурно и должны выражать свои эмоции. Репетируем?

– Может, сразу снимать будем? – устало вякнул оператор. – Матушка тяжеловата. На десять дублей не потянем...

Теща тут же возмутилась:

– Какая я тебе тяжеловатая? Худосок! – Она вскочила, подбоченилась. – У меня 44, от силы – 45 килограммов. Я просто воздушная!!!

Матильда Жановна изящно подпрыгнула на цыпочках. Паркет простонал от этого экспромта.

– Хорошо, все готовы? – властно произнесла режиссер. – Как вас? Никита? На исходную, за дверь.

– Какая-то клоунада... – игнорируя команду, мрачно выразил свое отношение Никита.

– Ну, Никиточка, ради нас с мамой, ты же у нас сильный... – взмолилась Наташа.

– Мы жизнью рисковали, а ты – кочевряжишься! – поддакнула теща.

– Ладно, затейники! – со значением произнес Никита. –

Только держитесь крепче...

– Готовы? – громко спросила режиссер.

Никита с каменной рожой ушел за дверь, через пять секунд позвонил.

– Мотор! – крикнула дама-режиссер.

Открыла ему жена, в руке у нее – грамота. Никита изо всех сил выпучил глаза.

– О как!

Потом вслед за супругой прошел в комнату, а там – теща, и в руке у нее (какое совпадение!) – тоже грамота!

– О как!!! – еще более выпучив глаза, оценил Никита.

– Снято! – недовольно произнесла режиссер. – Надо, чтоб все было естественно... Вот, как в вашей семье выражают удивление, восторг, чувство счастья?

Никита пожал плечами:

– О как!

– Ну, а самый всплеск эмоций? – уже выходила из себя режиссер.

– Ну... – Никита подумал и убежденно ответил: – Каково!

– Ну, хорошо... – сдалась режиссер. – Эмоциональную скудость фразы компенсируем выражением глаз... Саврас, глаза давай – на крупняке!.. Теперь, с другой точки – снимаем женщин... Вы обе бурно поясняете мужчине, что за рамки у вас в руках. Типа: «Николай! Мы получили благодарности от зама министра!» И сразу без паузы – буря чувств, вы хватаете жену, тещу, приподымаете и начинаете кружиться

с ними. Кружиться и кружиться, пока я не скажу: «Снято! На исходную!»

Саврас обреченно переставил камеру.

– Все в готовности. Мотор!

Никита вновь вошел в комнату вслед за женой, тупо воскликнул, увидев тещу.

– О как!

– Еще раз! – скрежетнула зубами режиссер.

– О как! – еще тупее произнес Никита.

И тут теща и Наталья одновременно, во всю мощь, как солдаты в строю, проорали:

– Никита, мы получили благодарности от заместителя министра Российской Федерации!!!

Вместе с «благодарностями», как научили, Никита подхватил под правую руку тещу, под левую – жену и начал кружиться с ними по комнате.

– Так, давай еще, еще, чтобы уже не переснимать, – сипло кричала женщина-режиссер. – Саврас, облизывай все: руки, эти сильные мужские руки, эти счастливые глаза, полные радости и слез... Эти поджатые от счастья женские ноги... Николай, Коля, давай, давай еще, чтоб без дублей... вращаемся быстрее, покажи, на что способен в необузданных чувствах русский богатырь!

Никита побагровел, как бык-производитель, женщины, чтобы не упасть, повисли у него на шее, поджав ноги... Наконец, случилось то, чего было не миновать: все трое зава-

лились прямо на камеру, штатив опрокинулся, оператор еле успел подхватить аппарат у самого пола.

– Снято... – выдохнул он.

– Ничего страшного, мы этот фрагмент вырежем, – успокоила себя режиссер.

– Кстати, шефиня, отдадим этот кусок в «Сам себе режиссер», – заметил оператор. – Баксов пятьсот отвалят...

Все с хохотом, возней наконец встали. Никита сдержанно улыбался.

– А если в программу «Сам себе могилу роешь»? – отменно вежливо спросил он у оператора.

– Николай, не волнуйтесь, никуда этот фрагмент не попадет, – успокоила режиссер.

– Обычно это я заставляю волноваться... – не преминул внести ясность Никита. – По роду своей деятельности.

(К слову, дальнейшие события полностью подтвердили этот в легкую брошенный афоризм.)

– Да-да, мы в курсе... – небрежно согласилась режиссер. – Хотите, это веселое падение мы вам перепишем?

– Хотим! – за всех ответила Матильда Жановна.

5-е число. Дело к вечеру

Савушкин в самом беззаботном настроении шел в городской парк на свидание с Настей. Он издали увидел ее, сидящей на скамейке, и ускорил шаг. Настя сидела вполоборота к нему, в кепи и больших, явно не идущих ей очках.

– Прилетел по первому зову! – радостно объявил Никита и, оценив новый стиль (очки и кепи) добавил: – Моя таинственная леди...

Настя молча повернула к нему голову, так же молча сняла очки. И Никита с ужасом увидел у нее вокруг глаза огромный синяк, разбитую припудренную губу. Так же, не проронив ни слова, показала ссадины на ладонях после падения.

– Кто?! – страшно закричал Никита, так что даже шарханулись прохожие. – Настенька, кто посмел? – Он опустился на колено перед ней. – Это вчера?

– Вчера... – еле слышно ответила Настя.

– Настя, прости, я не должен был тебя оставлять. Какой же я идиот... Кто это был?

– Курбан. Они с Варварой поджидали меня. Она спряталась за углом, а он ко мне пошел. В кепке, лицо под чулком скрыл. Думала, не узнаю... Ударил раз, еще раз... Сказал, чтобы я не совала нос в чужие дела.

– Точно он был? – Ярость колотила Никиту.

– Да. Голос его был...

– Вот так, значит, как мы... Вот так, значит... Ладно.

Он взял в ладони ее израненные руки, поцеловал их, порывисто встал.

– Я не достоин целовать даже твои ноги... – тихо сказал он. – Прости...

Настя надела очки, отвернулась, не проводив Никиту взглядом.

Уже через несколько минут, преодолев расстояние на автомобиле, Никита ворвался в дом, где жила Варвара. Кнопка лифта застряла вместе кабиной где-то на верхних этажах. Савушкин чертыхнулся, бросился на боковую лестницу, в считанные секунды преодолел этажи. С холодной яростью вдавил кнопку звонка, потом стал стучать.

Варвара ответила из-за двери:

– Кто там?

– Откройте, милиция! Майор Савушкин.

Шпонка испуганно открыла дверь, Никита оттолкнул ее с прохода, безошибочно прошел на кухню. Курбан сидел за столом в светлых, но порядком засаленных спортивных штанах и белой футболке. Он с аппетитом ел: перед ним стояла большая миска с наваристым супом, из которого торчали куски мяса. Тут же на столе возвышалась гора костей, объедков, огрызков, зелени, рыбьей чешуи, стояла початая бутылка красного вина. Курбан не успел встать: Савушкин уже возвышался над ним.

– Приятного аппетита! – пожелал Никита.

Ответ «спасибо» прозвучал уже в миске, куда Савушкин окунул голову Курбана.

Варвара с ужасом взирала на происходящее, остерегаясь даже слово сказать в его защиту.

– Это кажется хаш? – поинтересовался Савушкин.

– Хаш... – испуганно подтвердила Варвара.

– Что ж ты ему так мало наливаешь?

– Он уже две тарелки съел... – призналась Варя.

– Настоящему джигиту и кастрюли мало.

Сказав это, Никита снял кастрюлю с хашем с плиты и водрузил на голову Курбану, который только начал приходить в себя. Гулко шлепнулись на пол кости. Светлое одеяние сожителя вмиг окрасилось в нечто неопишваемое.

– А теперь – и вином запьем, – продолжил тихий кураж Савушкин.

Он взял бутылку, расколотил ее о кастрюлю, торчавшую на голове Курбана, потекло красное вино, дополняя цветовую гамму. Курбан завыл, из-под кастрюли это получилось особо жутко.

– Ну, чего ждешь, хозяйка, снимай, после ужина посуду мыть надо! – подбодрил Савушкин.

Дрожащими руками Шпонка сняла кастрюлю с головы Курбана. Он завыл еще громче.

– Ты что, с ума сошел?! За что?!

– Фу, грязный, как свинья! – отреагировал Савушкин. – Пошли голову мыть.

С легкостью Никита поднял за шкурку вялого Курбана, потащил в туалет. Нагнув, сунул его голову в унитаз, несколько раз спустил воду. Потом, увидев моющее средство для сантехники жгуче-синего цвета, щедро полил им Курбанью голову. И вытащил на обозрение Варвары – с жутко синим лицом.

– Получай, хозяйка: вымытый и надушенный.

Варвару прорвало:

– Это беспредел!

Савушкин шагнул навстречу, Варька отшатнулась.

– А об тебя, падаль, даже ноги пачкать не хочется...

Он зашел в ванную, вымыл руки, не прикасаясь к чужому мылу, стряхнул воду и неторопливо вышел из квартиры, оставив со значением настежь открытую дверь. Как знак что еще вернется.

Когда шаги визитера стихли на лестничной площадке, Курбан с ужасом спросил:

– А ч-чего он приходил?

– Тебя покормить! – ядовито ответила Варвара.

6-е число

Савушкин махом поднялся на второй этаж родного УВД, ворвался в кабинет с табличкой «Уголовный розыск». Там, в сигаретном дыму, сидели и что-то явно малосущественное обсуждали Белозеров, Кошкин и юный опер Ряхин. При появлении Никиты воцарилась тишина.

– Господа, я хочу вам сообщить чрезвычайно неприятное известие: меня отстранили от розыска Маши Лихолетовой! – объявил он.

– За что? – спросил Белозеров.

– За хулиганские действия, сопряженные с проникновением в квартиру гражданки Шпонки с использованием служебного положения.

Белозеров округлил глаза:

– Ты что – изнасиловал этого монстра?!

– Нет... – подпустив разочарования, ответил Савушкин. –

Я всего лишь покормил хашем ее сожителя.

– Как это? – вновь спросил Белозеров.

– Надел кастрюлю с этой баландой ему на голову. И, кстати, смягчающее обстоятельство, как в лучших салонах, сам вымыл ему голову... в унитазе. С шампунем... Между прочим, ни одной царапинки!

Кошкин и Ряхин переглянулись и заржали.

– Дурак ты! – покачал головой Белозеров. – Тебя что – переклинило? Теперь они такой вой подымут...

– А хочешь узнать, почему опера Савушкина переклинило? – жестко заговорил Никита.

– Ну?

– Позапрошлым вечером Курбан жестоко избил Настю Иванову, да, понятую в нашем деле. Лицо разбил, ладони в крови... Подждал ее у дома, нацепил чулок на морду, думал, не узнает... Митрич, гости солнечных стран бьют наших женщин. Когда хотят – и за что хотят... А нам что – сопли друг другу подтирать?

– Ты правильно сделал, Никита Алексеевич! Мочить их надо! – поддержал Кошкин.

– Как говорил президент Путин – в сортире! – добавил Ряхин.

– Ладно... – хмуро подвел итог Белозеров. – По факту раз-

бойного нападения на Иванову возбудим уголовное дело... Ряхин, кстати, где кассета с фильмом «Девочка на цепи»? Я когда давал поручение?

– На телеканале требуют официальное письмо от Генеральной прокуратуры на имя генерального директора... – развел руками Ряхин.

– Не утомляйте бумагу! Вот вам кассета!

Савушкин вытащил из цветастого пакета и кинул на стол бытовую кассету с надписью на корешке: «Девочка на цепи».

– Как это тебе удалось? – без эмоций поинтересовался Белозеров.

– По системе майора Савушкина, главный постулат которой: «В угрозыске знают все!» Мне вручил ее наш общий знакомый Рома. С чувством глубокой благодарности.

– Ну, рассказывай, раз так, – выразил общий интерес Белозеров.

– Ну, что, подъехал я к дому Романа, – начал рассказывать Савушкин. – Набрал Ромкин телефон. Здорово, говорю, это Никита, убойный отдел... И комментирую с элементами импровизации: вижу, вижу, говорю, как вытягивается твое лицо, а губы беззвучно шепчут ругательство... Так что давай не хами даже в мыслях, а спустись на улицу, потолковать надо. Ну, значит, выбегает Ромка из подъезда, в одежке не по последней моде. Цепляет очки, вытирает пот, идет ко мне. Говорит: «Что-то ты зачистил, командир...» А я ему: «Я не надолго. Вынеси мне, – прошу его, – твою любимую кассету

из «Криминальных историй», посмотреть хочу». Он «дурку» включил: «Какую?» – «Девочка на цепи», – поясняю. «Откуда?!» «Оттуда, – говорю задушевно, – вот у меня ордер на обыск, найдем ее, и будешь бляеть, почему ты прячешь эту кассету...» Тут он и поплыл: «Ну-у, я поищу, конечно, может, и есть». Пошел домой. А я его еще предупредил, чтоб не вздумал выбросить кассету в мусоропровод. Это усугубит... Через три с половиной секунды эта кассета была у меня.

– Круто! – восхищенно отреагировал Андрей.

– Система, – оценил Кошкин.

А Белозеров поинтересовался:

– Что-то я не помню, чтоб ты получал ордер на обыск.

– Система Савушкина предполагает в экстренных случаях использование неформального ордера на обыск, – пояснил Никита.

– Неформального? – покачал головой Белозеров. – Это так мы теперь называем? Ладно... Кошкин, включай кино!

Кошкин включил видеомэагнитофон. На экране появился подвал. Яркий свет фонаря высветил в углу девочку лет двенадцати, с синяками, ссадинами, одетую в короткое платье в горошек. Она сидела на покрывале, поджав коленки.

– Маша! – сказал Кошкин, хотя всем было и так ясно.

На левой руке пленницы была надета фактурная цепь, замкнутая огромным навесным замком. Второй конец цепи киносъемщики прицепили к металлической балке на потолке, замкнутым в изощренном кураже миниатюрным замоч-

КОМ. . .

В кадр вошел мужчина в пурпурном балахоне и колпаке, с плеткой в руке. Он приблизился к девочке и неожиданно резко взмахнул ею перед лицом узницы. Девочка инстинктивно сжалась и прикрыла лицо руками. Второй удар плеткой был настоящим. Ремешки плетки скользнули по рукам Маши.

Внизу экрана бегущая строка предостерегла: «Этот фильм не рекомендуется для просмотра несовершеннолетними».

– Не бей меня! – взвизгнула девочка.

– Ты будешь сидеть на цепи, пока мне твой папа не заплатит выкуп, – утробным голосом заговорил истязатель. – Говори в камеру, маленькая дрянь!

– Папочка, миленький, спаси меня, – всхлипывая, стала умолять девочка. – Пожалуйста, отдай им эти деньги. Они хотят меня убить!

– Жалостливей, обезьяна! – уйдя за кадр, приказал мужчина.

– Папочка!! Они меня кормят одним хлебом и водой, они меня изнасиловали! Папочка, спаси меня, мне здесь очень плохо, папочка!! Я сижу в подвале, меня крысы кусают, есть вообще не дают, пожалуйста, забери меня, папонька, отдай им эти деньги! Они меня убить хотят. Врачи приходили, брали анализы и сказали, что у меня все органы здоровые и, если они договорятся, они меня убьют и продадут мои органы.

Пожалуйста, забери меня, папонька, забери меня отсюда...

Девочка забила в рыданиях.

Савушкин взял пульт со стола, нажал на стоп-кадр.

– Все, хватит!

Маша застыла в кадре с гримасой страха.

Все молчали под впечатлением от увиденного.

– Жуть... – оценил Белозеров.

– Такое кино и взрослым смотреть тошно... – Кошкин потянулся к сигаретам. – А это признание в изнасиловании... Для двенадцатилетней девчонки – кошмар...

Савушкин встал, распахнул настежь окно.

– Да, одноклассники потешились... Стая злобных щенков, которым показали жертву... Бедный ребенок, что ей пришлось пережить...

– Покажи, кто там авторы? – попросил Белозеров.

Савушкин прокрутил фильм до финальных титров. На экране вспыхнули титры:

Автор сценария Петр Грош-Ценаев

Режиссер-постановщик Юлиана Самобрехова

Оператор Саврас Божейой

Монтаж Михаил Хламов

Директор фильма Евгения Царапкина

Мастер света Сергей Огарев

* * *

Все права ОЛЛ РАЙТС

Телекомпания RESURSS – Лімітэд

Прочитав титры, Савушкин хмыкнул:

– Знакомые все лица!

– Ты их знаешь? – спросил Белозеров.

– Знаю. Позавчера эта кинобанда у меня дома кино про тещу и жену снимала.

– Комедию?

– Что-то вроде...

– Понятно. Всех ко мне на допрос! – распорядился Белозеров. – Они у меня посублимируют!

– Чего? – не понял Кошкин.

Белозеров пояснил:

– Сублимация – это направление сексуальной энергии на иной вид деятельности.

– Это ж как надо оттопыриться...

7-е число. Утро

В это ничем не примечательное для жильцов дома № 5 по улице Чехова утро некий молодой человек приятной наружности в надвинутой на глаза бейсболке прошел в подъезд. Он сел в лифт и вышел прямым ходом у двери Варвары. Гость подъезда положил на порог бытовую кассету без коробки, с

приклеенным листочком, на котором значилось: «Варваре и Курбану». Затем он нажал кнопку звонка и в том же лифте исчез...

Дверь открыл Курбан. Он высунул испуганную голову и констатировал:

– Никого.

Деловито пришепала Варя.

– Чего там?

– Никого... Хулиганье... Развелось лимитчиков! – презрительно заметил он.

– Ничего не видишь! – раздраженно сказала Варя. – Вот кассету подбросили.

– Точно! – удивился Курбан. – О, тут написано: «Вар-варе и... Кур-бану». Нам, что ли?

– Ты на редкость сообразительный. Возьми.

Сказав это, она тут же исчезла в квартире.

Курбан нерешительно поднял кассету.

– А если взорвется?

Варя крикнула из глубины квартиры:

– Не взорвется.

– Взял.

– Теперь вставь в магнитофон и посмотри.

Курбан вздохнул:

– Иншалла...

Осторожно, на цыпочках, он прошел с кассетой в комнату. Варвара исчезла.

– А ты где?

– В туалете!

– Что ты там делаешь?

– Что люди делают в туалете?! Вставь в магнитофон и включи пультом.

Курбан тоскливо посмотрел на дверь туалета, покорно прошел в комнату, глянул на открытое окно, испытал желание выкинуть туда кассету. Трясущимися руками вставил кассету в магнитофон.

– Ну, что там? – раздался недовольный голос. – Что, я тут вечность должна сидеть?

Курбан взял пульт, включил телевизор, добавил громкости, потом вышел в смежную комнату, залег и, выставив пульт наружу, нажал кнопку «пуск».

И раздался взрыв... Мощный звук, грохот бьющегося стекла был так правдоподобно записан, что Курбан почти умер от страха. Так эффектно началась видеозапись.

Курбан продолжал лежать ни живой ни мертвый.

Варвара, чуть приоткрыв дверь, прокричала:

– Курбан, ты жив?

– Жив, – после долгой паузы ответил он.

– Что это было?

– Не знаю.

– Ну, посмотри!

– Ну тебя к шайтану...

Шпонка на цыпочках прошла к комнате, осторожно за-

глянула. На экране было черное поле. Испуг на ее лице, как в кривом зеркале комнаты смеха, преобразился в счастливо-глупое выражение.

– Все цело! – выдохнула она с облегчением.

Варвара прошла в соседнюю комнату, не заметив Курбана, наступила своей слоновьей ногой на его руку.

– А-а! Ты чего, дура, по рукам ходить...

– Могу и по головам! Развалился, трус! – Варвара вернулась в комнату. – Смотри, это же Машка!

На экране вдруг появилась Маша, нынешняя, девятнадцатилетняя, в том же подвале и в том же платье, живая, озорная, насмешливая. И даже на цепи.

Курбан устало опустился на табурет. У него тряслись колени.

– Ага, Машка...

Маша заговорила:

– Пользуясь случаем, хочу передать привет! Mamчик и папчик, привет! – Она помахала ладошкой, позвенец цепью. – Курбанчик, не навалил в штанишки? Ну, прости, я пошутила! Mamчик, а ты знаешь, что эта свинья вечно лапает меня в коридоре? А недавно предложил мне деньги! Целых двести долларов! И знаешь за что? Чтобы я с ним в постельке полежала, пока ты на работе паришься... Ну, все, пока! Не скучайте, я скоро вернусь.

На этом запись и закончилась.

– Вот же гадюка! – Курбан привскочил с табурета. – Да

врет она!

– Ах, уже гадюка, и врет?!

Курбан тут же получил молниеносную оплеуху от мощной длани Варвары и вместе с табуретом отлетел в угол комнаты...

7-е число. День

Неизвестный молодой человек симпатичной наружности в бейсболке в этот день вновь подбросил видеокассету. Он рисковал, потому как объектом все-таки было здание районного УВД. Кассету без коробки он положил на бордюр ограды, недалеко от проходной. А на приклеенном листочке оставил надпись: «В уголовный розыск».

Спустя час после дерзкой акции человека в бейсболке все у того же здания УВД собрались: автор сценария Петр Грош-Ценаев, режиссер-постановщик Юлиана Самобрехова и оператор Саврас Божемой – все, имевшие непосредственное отношение к созданию некогда нашумевшего телефильма «Девочка на цепи».

– И какие же иезуиты эти прокурорцы... – ядовито вешала Самобрехова. – А фамилия какая – Белозеров! Михаил Дмитриевич... Белые озера... природа, тихая грусть, успокоение...

– И покаяние... – бухнул Грош-Ценаев.

– Петя, я тебе всегда говорила: это ты за все в ответе, за все, что *написал*, – сказала Самобрехова и цинично рассме-

ялась.

– Сейчас все вместе *писать* будем – прокурору, – сделал прогноз оператор Божемой. – Только давайте договоримся: я человек подневольный, мне сказали нажать красную кнопку – я нажал. Сказали: «снято» – я выключил.

– И чего же они там накопили? – Самобрехова взяла за рукав сценариста, отвела в сторону.

Они стали о чем-то тихо переговариваться, потом горячо жестикулировать. И, наконец, и оператор, оставшийся в одиночестве, и окружающие смогли услышать, о чем же шла речь.

– Ты педофил! – громко шипела Самобрехова.

– А ты – старая извращенка! – не оставался в долгу Грош-Ценаев.

Они расходились в разные стороны, потом, как магнитом, их притягивало обратно.

– Надо выработать общую тактику! – горячо убеждал Грош-Ценаев.

– Главное, как говорил мне мой знакомый судья, ни в чем не сознаваться, – поучала Самобрехова.

– Знать бы, в чем... – Грош-Ценаев чихнул.

– Правду скажешь... – усмехнулась Самобрехова.

– Щас...

Самобрехова глянула на часы:

– Ну, что, пошли...

– Время «Ч»... – сказал Грош-Ценаев.

Втроем они вошли в здание. Впереди – Самобрехова, за ней – сценарист, потом – оператор. В том же порядке появились и в кабинете, где их уже ждали Савушкин, Белозеров и Кошкин.

– Здравствуйте! – высокомерно произнесла Самобрехова.

– Здравствуйте, товарищи представители величайшего из искусств! – ответил Белозеров.

Приглашенные расселись на стульях.

Савушкин, как бы с радостью, узнал телегруппу:

– О, какая встреча! Летописцы героики лучших представителей трудового народа!

– О! Господин э-э... – отреагировала Самобрехова.

– Никита Алексеевич...

– Никита Алексеевич... значит, и вы здесь?

– Да, это мой второй дом. Тоже кручусь... Хотите заснять меня на рабочем месте?

– Мы как-то не планировали...

– Скажите, Юлиана, – перевел разговор в деловое русло Белозеров, – это ведь ваше кино – «Девочка на цепи»?

– Да-а... Да, и вот автор сценария перед вами Петр Грош-Ценаев, да и оператор наш Саврас... Так все давно и снимаем сплоченно... Это одна из наших лучших работ! А что?

– Сцену избиения и унижения девочки кто придумал? – резко спросил Савушкин.

– Конечно, сценарист, – поспешно ответила Самобрехова.

– Я не писал, что надо хлестать плеткой! – взвился Грош-

Ценаев. – И то, что она говорит, что ее изнасиловали – тоже твоя идея!

– А, собственно говоря, что происходит? – возмутилась Самобрехова. – Знаете, какой крови стоил нам фильм, на канале столько придинок было... Но зато какой сумасшедший рейтинг был!

– Сумасшедший, говорите? – ледяным голосом произнес Никита. – А то, что ребенок получил сильнейшую психическую травму, ее буквально затравили одноклассники, называли «болонкой на цепи», и что она была близка к самоубийству – это вы знаете?

– Господи, ну почему мы всегда должны отвечать за каких-то уродов... – всплеснула руками Самобрехова. – Школа бы и разобралась...

– Я так понимаю, к сценаристу вопросов нету? – вставил Грош-Ценаев.

– Есть! – Савушкин метнул взгляд в его сторону. – Когда вы выписывали этот мучительно долгий монолог для ребенка, о чем вы думали – о размере гонорара?

– Я думал о психологической и художественной достоверности! – окрепшим голосом парировал сценарист. – И вам не понять, каких мук стоит каждое слово и как полностью приходилось проникаться болью этой девочки!

– Одни страдальцы собрались... – Савушкин повернулся к оператору. – И вы тоже потерпевший на тех съемках?

– А мне чего: что сказали, то снимаю!

– Между прочим, мы получили письменное разрешение на съемки от ее матери, – вспомнила Самобрехова. – А почему сейчас такой интерес?

– Она была похищена, ее держали в подвале на цепи, возможно, убили, – мрачно ответил Савушкин.

В этот тягостный момент в помещение буквально влетел опер Андрей. В руках он держал кассету, которую подбросили на бордюр с запиской: «В уголовный розыск».

– Интересное кино нам прислали... – радостно сообщил он. – Дежурный с проходной принес.

Андрей подошел к видеомэгнитофону и, прежде чем присутствующие отреагировали, вставил ее внутрь.

– Ты чего делаешь? – встрепнулся Савушкин. – Сейчас рванет – такое кино будет!

– Все нормально!

Он взял пульт, но Кошкин перехватил, неожиданно кнопка включилась, вспыхнул экран.

– Да не бойтесь, криминалисты проверили, – успокоил Андрей. – Я сам уже посмотрел... «Девочка на цепи – 2» называется.

Эта была копия такого же послания Маши, как Варваре и Курбану.

Савушкин хмуро усмехнулся, увидев хулиганистую девушку, стал по привычке тереть свой нос... Кошкин же и Ряхин по-простому заржали. Оператор Саврас тоже за компанию усмехнулся, зато режиссеру и сценаристу было не до

смеху. Когда запись закончилась, Самобрехова вскочила.

– Что это все значит?

– Это просто провокация! – поддакнул Грош-Ценаев, чутьем понимая, что грядет расплата.

– Успокойтесь, мы сами пока не знаем, где Мария, – сообщил Савушкин. – Андрей, откуда эта кассета?

– Я же сказал, у КПП на бордюр забора кто-то подбросил. Вот записочка: «в уголовный розыск».

Тут зазвонил мобильный телефон у Белозерова.

– Тише! – прикрикнул он. – Да, Варвара... Что? Кассету подложили? Ага, послание от Маши. Обещала вернуться? Вот видите, хорошая какая новость. Да, принесите ее нам, вместе посмотрим! – Белозеров отключил телефон. – Такую же кассету сегодня подложили Варваре и Курбану.

– Можно еще раз включить? – попросила Самобрехова.

– Дерьмо вопрос!

Андрей отмотал на начало, включил на том месте, где Маша махнула приветственно рукой.

– Можно на «стоп-кадре»? Смотри, Саврас, это та самая цепь, которая у нас пропала.

– Она самая, – кивнул Саврас. – Родная...

– Я потом ее стоимость вычла из зарплаты директора, – припомнила Самобрехова. – Царапкина отвечала за реквизиит.

– А где она сейчас? – спросил Савушкин.

– Цепь?

– Цепь на экране... – усмехнулся Савушкин. – Директор!

– Директор умерла... Но цепь тут ни при чем... – поспешно ответила Самобрехова.

– Между прочим, господа сыщики, тот, кто украл цепь, тот похитил и девушку! – вдруг не без торжества объявил Грош-Ценаев.

– Вы правы, господин сочинитель, – согласился Савушкин. – Если и не похитил, то имеет отношение к ее исчезновению! А отношение как раз имеют все те, кто был на съёмочной площадке! Но цепь могли и продать как своего рода раритет вашего знаменитого фильма.

– А скажите, сохранился ли исходный видеосъёмочный материал? – поинтересовался Белозеров.

– Понятия не имею, – пожала плечами Самобрехова. – Все в архиве канала.

– Сохранились! – объявил Кошкин и вытащил из папки бытовую видеокассету. – Вот все, что снято по этому эпизоду.

– Откуда? – изумился Белозеров.

– Мы, Кошкины, всегда умели находить общий язык с людьми...

Он вытащил послание от Маши и вставил новую кассету. Это был исходный, рабочий, материал для монтажа: один за другим бесконечные дубли сидящей на полу Маши, палача в красном балахоне и капюшоне... Камера елозит по подвалу, захватывая Самобрехову. Она бросает резкий взгляд на

оператора: «Ну, кто ж так снимает!»

Савушкин не удерживается от реплики:

– Зато мы сейчас всех тут увидим...

Промелькнула и Варвара. Кошкин остановил кадр: Шпонка со спесивым видом наблюдает за съемками, ухмыляется...

– Давай дальше! – распорядился Белозеров.

На съемочную площадку выплыла Самобрехова, подошла к Маше: «Стоп, стоп, стоп. Опять ты путаешь слова! Никакой отсебятины. Ты должна ныть и плакать по-настоящему. – Она повернулась к Варваре. – Мамаша, может, ремешком угостишь, чтобы получилось естественно?»

Варвара усмехается: «За отдельную плату!»

Самобрехова. «Мы можем и другую девочку подыскать. Ты что – никогда не плакала?»

Маша. «Никогда!»

Самобрехова. «Ну, давай, Машенька, постарайся... Ты же умница!»

Варвара. «Ну, хватит выпендриваться! Столько людей собралось из-за тебя! Плакать она у нас разучилась!»

Варвара подходит к Маше и неожиданно отвешивает ей легкую пощечину.

Маша. «Фашистка!» На глазах у нее слезы.

Самобрехова. «Вот так уже лучше! Мотор!»

(Слышен голос оператора за кадром:) «Я не выключал».

Самобрехова. «Где свет, черт побери!»

Мимо камеры торопливо пробежал парень. Вспыхнул

свет.

Самобрехова. «Работаем! Мотор!»

Маша всхлипывает: «Папочка, миленький, спаси меня.

Пожалуйста, отдай им эти деньги. Они хотят меня убить!»

– Вот и все, – сказал Кошкин и выключил магнитофон.

– А вы, оказывается, истязали ребенка! – жестко произнес

Белозеров.

– Ну, не надо, а? – заюлила Самобрехова. – Сами видели,

кто ударил!

– А ремнем выпороть кто просил?

– Ну, это для красного словца.

– Или красного от побоев лица? – Белозеров даже подался

вперед.

– Кстати, что это за парень промелькнул? – спросил Са-

вушкин.

– Инженер по свету. Он уволился после съемок, – хмуро

ответила Самобрехова.

– Вот он, скорей всего, и свинтил эту цепь, – вставил опе-

ратор.

– Как его фамилия? – спросил Савушкин.

– Какая-то такая фамилия, типа писателя дореволюцион-

ного, – сморщил лоб Саврас. – Некрасов... Пушкин...

– Да нет, нет, какой Пушкин... Типа Герцена, – заметила

Самобрехова.

– Огарев? – подсказал Савушкин, вспомнив титры.

– Во, точно! Его Серегой звали... – радостно кивнул Сав-

рас.

– Надо его найти, – подытожил воспоминания Савушкин.

7-е число. Вечереет.

Кошкин и Савушкин подъехали к автосервису, занюханному донельзя, с покосившейся вывеской. Стали издали наблюдать за двумя закопченными слесарями, которые лениво откручивали колеса.

Савушкин, зевнув, спросил:

– Ну, и кто из них Гриша Хлопухин, который гавкал на нашу Машу?

– Угадай.

– Вероятность – 99 процентов, вон тот, с угловатым черепом.

– Не угадал, – обрадовался Кошкин. – Как раз вот – второй, с большими ушами.

– Зови! – лениво (видно, передалось от слесарей) сказал Савушкин и отошел в сторону.

Кошкин, приняв прилпатненный вид, подошел вразвалочку.

– Привет, мужики! Ты Гриша?

– Ну, я, – повернул голову Хлопухин.

– На пару минуток тебя можно, обговорить, проблемка с машинкой.

Вдвоем подошли к Савушкину.

– Я зам начальника убойного отдела – Савушкин, – сурово назвал себя Никита. – Ты в курсе, что без вести пропала твоя

подружка?

– Какая подружка? – удивленно спросил Хлопухин.

– Маша Лихолетова!

– Да какая она мне подружка? – сказал Хлопухин, показывая на свое одеяние – Такие, как я, рядом не стоят.

– Так ты ж ее всегда с радостью облаивал при встрече! – напомнил Савушкин.

Хлопухин покраснел.

– Ну, дурак был. Ну, чисто, как клоун... А пацаны ржали... Я после школы ее больше и не видел.

– А если б увидел, снова загавкал? – проникновенно поинтересовался Савушкин.

– Да ну, скажете! В сторону бы ушел...

– Если увидишь ее случайно – нам позвони. Вот телефон.

Савушкин сунул карточку. Хлопухин кивнул:

– Хорошо. Но вряд ли встречу. Они здесь не ходят.

8-е число. День

Савушкин закрылся в кабинете, еще раз осмотрел обе «серии» «Девочки на цепи» и надолго задумался. Потом снял с гвоздя настенный календарь за позапрошлый год. Обратная сторона каждой страницы была глянцево-белоснежной, как кожа девочки-альбиноса. Никита взял фломастеры и стал чертить на этой «коже» круги, стрелы, квадратики и прочую геометрию... Затем из-под его руки неожиданно появилась фигурка Маши в полосатом платице. Ни-

кита пририсовал к девочке цепочку. Другой же конец ее был свободным, пока ни к чему не прикрепленным. Рядом, как профили классиков марксизма, возникли из-под фломастера лики Варвары, Курбана, Романа, сценариста... Все профили, на удивление, получились очень похожими. В завершение Никита нарисовал черный профиль неизвестного человека. И к нему дотянул Машину цепочку...

Его криминалистические художества прервал стук в дверь. Никита открыл. На пороге стоял Андрей Ряхин.

– Товарищ майор! – объявил он уставным голосом. – Бывший инженер света Огарев найден и доставлен!

В кабинет вошел, слегка оттолкнув с порога Ряхина, парень лет двадцати пяти подчеркнуто мужской красоты.

– Спасибо, Ряхин, свободен.

Не дожидаясь разрешения, Огарев сел с независимым видом, закинул ногу на ногу. Насмешливо посмотрел на Савушкина.

– Как бы надо спрашивать разрешения сесть, – холодно заметил Савушкин.

– Как бы надо спрашивать мое желание сидеть здесь, – тем же тоном ответил Огарев.

– Ладно, вижу, парень ты конкретный, поэтому будем без экивоков... и сантиментов.

– Чего? – прищурился Огарев.

– Экивоков... Честно, я сам не знаю, что это такое. А сантименты – это сентиментальные менты. Короче, придурки...

Скажи мне честно: ты цепь спер после съемок фильма «Девочка на цепи»?

– А на кой хрен она сдалась мне, товарищ командир? – недоуменно спросил Огарев. – На унитаза вешать? Так где ж сейчас найдешь такие унитазы?

– А чтоб продолжение снять...

– Я после того кино осветителем больше не работал. Знаете, что случилось после выхода того фильма? – Огарев подался вперед. – Эту девчоночку, Машу, буквально затравили.

– А ты откуда знаешь?

– Да оказалось, что мы в одной школе учились. После съемок я ее случайно в школьном коридоре встретил. Она, кажется, в пятом была, а я – в одиннадцатом, подрабатывал тогда инженером по свету в кинокомпании.

– Ты знаешь, что она пропала? – Савушкин пристально посмотрел на Огарева.

– А кто этого не знает? Весь город уже знает... Говорят, какой-то маньяк на цепи ее держал?

– Да, похоже, на той самой...

– Кошмар... – Огарев перекрестился. – Она жива – неизвестно?

– Неизвестно. А не могла Маша в качестве сувенира эту цепочку прибрать?

– Нет... Она сразу ушла после съемок. А цепь эта... кажется, в общий реквизит ее бросили...

– Спасибо... Если что вспомнишь, позвони.

Савушкин протянул листок с телефоном.

Огарев небрежно сунул его в карман джинсов, пружинисто встал и молча вышел, не оглядываясь.

8-е число. Вечер

Хлопухин уже второй день находился под впечатлением от встречи с сыщиками. Он чувствовал смутную опасность, которую не мог мысленно оформить. В общем, крутились подозрения, что его могут привлечь за то, что он гавкал на исчезнувшую Машку. Самое страшное – это если на суде потребуют, чтобы он показал, как он лаял. Кажется, это называлось «следственный эксперимент»...

С этими дурными мыслями Гриша поднялся на свой этаж, подошел к двери. И тут же увидел прислоненный к ней объемный конверт с надписью типографским шрифтом: «Грише Хлопухину». Оглянувшись, он поднял конверт, вошел в квартиру. На кухне сразу открыл его. Из конверта выпал фрагмент цепочки, очень похожей на ту, которой была прикована Маша в фильме. Хлопухин вслух посчитал количество звеньев.

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть...

Он примерил на руку. Но для браслета не хватило длины.

– Ни туда, ни сюда...

Почесав затылок, он снял трубку телефона, набрал номер Савушкина.

– Никита Алексеевич! Это Хлопухин! Тот самый. Мне конверт подложили под дверь, с моей фамилией. А там цепочка. Кусочек... Шесть звеньев. Принести показать? Хорошо, принесу...

Он положил трубку, задумчиво посмотрел на черные ногти, потом вскочил, прошел в ванную, схватил щеточку, стал остервенело вычищать грязь из-под ногтей.

А Савушкин, положив трубку, вновь тупо уперся в свой рисунок. Тихо вошел Белозеров.

Савушкин разговаривал сам с собой:

– И чего мы заморочились с той цепью! Может, она сейчас где-то над бабушкиным унитазом ржавеет!

– Привет оперсоставу!

Савушкин не отреагировал. Белозеров подошел к столу, внимательно посмотрел на «поле битвы» со стрелами, действующими лицами, похвалил.

– А что – похожи! А это что за негр? – Он ткнул в черный профиль. – Новый подозреваемый в деле?

– Хомо инкогнито, – с нарочито неправильным ударением пояснил Савушкин.

– Японец, что ли? – удивился Белозеров.

– Человек неизвестный... Латынь... Выходит так, Митрич, что некий телезритель или участник киносъемок, посмотрев фильм, раздобыл ту самую цепь, а может, и прикупил похожую в хозмаге... И вот спустя шесть лет этот «японец» наконец решился в реальности ощутить, прочувство-

вать то сладострастное возбуждение, испытанное при виде съемок истязаний девочки в подвале. И испытать уже ни с чем не сравнимые переживания.

– И явно сексуального характера, как отметил бы старина Фрейд! – продолжил Белозеров.

– Пять баллов, коллега, хоть ты и не знаешь латынь! – похвалил Савушкин. – И вот этот извращенный поклонник юного «таланта» девочки Маши, дождавшись ее совершеннолетия, каким-то образом вошел к ней в доверие. Узнал печальное продолжение истории «звездной болезни», от которой у Маши был психический срыв. И предложил план изощренной мести: напугать до полусмерти мачеху и ее сожителя Курбана, который намеревался прописаться в квартире ее покойных отца и матери. Маша, натура пылкая и непредсказуемая, согласилась... Дальше они воспроизвели все «декорации» и детали, даже платье нашли похожее. И вот этот тип становится режиссером таинственного жуткого кино. Триллера! Но в самый кульминационный момент видеосъемок обезумевший поклонник пошел дальше и, не в силах совладать с собой, перерезал жертве горло.

– Да он с самого начала задумал ее убить... – убежденно заметил Белозеров. – А как завел Машу в подвал, пути назад для него уже не было...

– Верно, типичная психология самооправдания маньяка... – тут же согласился Савушкин. – А потом, не в силах расстаться с девушкой, уволок куда-то ее тело. Возможно,

она еще была жива... Да, кстати, уже выяснили: группа крови, найденная в подвале, совпадает с Машиной – вторая!

– Ну, и кто этот постаревший педофил?

– А ты до сих пор не понял?

– Не томи, Штирлиц!

– Сосед! – эффектно произнес Савушкин. – Роман Кухаркин. Бывший интеллигент. Цепь купил в специализированном собачьем магазине. Цепочка американская для бойцовских пород. Я сам видел такую... Хотел купить, ну, блин, дорогая, полторы тыщи рублей, пожалел денег. Куда я ее потом присобачу?

Белозеров скептически усмехнулся.

– Эту твою версию можно «присобачить» и к сценаристу, и к Огареву, и к Курбану...

– Ты обратил внимание, как потрепана коробка от пленки с фильмом, который мне принес Роман? – продолжал отстаивать версию Никита.

– И что – из-за этого будем задерживать?

– Пока не стоит.

– Говоришь: не стоит. А если еще кого заколбасит? – засомневался Белозеров.

– Нет... Это маньяк особой, редкой категории – маньяк-однолюб, романтик. Он осуществил свою давнюю, и единственную, мечту – и все. Он выгорел изнутри. Теперь он будет маяться, а мы ему слегка поможем, будем без всякой причины вызывать на допросы, все вокруг да около... И

он помучится – и сам придет с повинной. Не веришь? Давай поспорим, а? На ящик коньяка? Пить будем всем отделом: за союз милиции и прокуратуры!

– Согласен... Но если узнаю, что применялись силовые методы, заведу на тебя уголовное дело, – серьезным тоном предупредил Белозеров. – Хоть ты мне и друг.

– А меня, Митрич, вообще-то, отстранили от дела. Я только в качестве консультанта.

– Я помню... Прокурор приказал завести уголовное дело по факту незаконного проникновения в жилище и хулиганских действий с использованием служебного положения.

Число то же

Вечером в квартиру одинокого холостяка Романа Кухаркина кто-то позвонил. Хозяин, шаркая, одетый в домашнее, то есть в длинные шорты и футболку, приоткрыл после трехминутного выжидания дверь. Природная цепкость взгляда позволила ему сразу заметить белый конверт на пороге. Никого рядом не было. Ни шагов, ни звука. Роман осторожно взял послание, понюхал (трогилom не пахло). При пальпации почувствовал что-то твердое, после чего быстро закрыл дверь. На кухонном столе Роман вскрыл ножницами конверт. Заглянув внутрь, он увидел четыре звена цепи. Той самой. Он взял ее за кончик, как змею, с гримасой ужаса и отвращения... Она сверкнула в луче от настольной лампы. Неожиданно громко зазвонил настольный телефон. Роман

вскочил, выронил цепь, она упала на грязную после ужина тарелку и расколола ее. Роман порывисто схватил трубку.

– Кто это?! – с дрожью спросил он.

В ответ услышал короткие гудки...

Ноги у Романа подкосились, он буквально сполз по стене на пол. И завыл, как может выть только глубоко одинокий и порочный человек.

В тот же вечер Варвара и Курбан, как обычно, сели за стол ужинать. Именно ужин скреплял их двойственный союз, в котором уже ничего человеческого не оставалось. Варвара сунула опостылевшему «другу» кусок черного черствого хлеба и сморщившуюся от долгого ожидания сардельку.

Курбан, терпеливо наблюдавший эти приготовления, возмутился.

– Чё ты мне свинью суешь?

– Это из коровы... – ледяным голосом отозвалась Варвара.

– Это свинья! – Курбан понюхал, брезгливо отодвинул тарелку. – Фу-у, вонище...

– Сам ты свинья! – с удовольствием (сам напросился) произнесла Варвара. – Может, тебе хаш приготовить? И мента позвать? До сих пор полы отмыть не могу!

Перебранку прервал телефонный звонок.

Варвара взяла трубку.

– Добрый... – буркнула она. – Откуда? От нотариуса? Спасибо... Курбан, почтальон от нотариуса письмо под дверью

положил. Иди возьми!

– Ага, нашла дурака!

Курбан демонстративно устался в окно.

– Тогда прописки в моей квартире не увидишь, как свинья своих ушей! – сказала Варвара и одарила змеиным взглядом.

Курбан вспотел и пошел на попятную.

– Ты злая женщина... Но я все равно люблю тебя, как великий поэт Фирдоуси любил своих жен!

– Я тебе сейчас дам жен!

Варвара игриво замахнулась кухонным полотенцем.

– Ты для меня – единственная!

– Марш за дверь! – вальяжно приказала Варвара.

Курбан угодливо поплелся исполнять приказание, открыл дверь, вышел на площадку. А Варька мгновенно скрылась в туалете.

Перед дверью лежали два подписанных пакета: «Курбану Степановичу Алиеву» и «Варваре Шпонке».

Курбан оглянулся, осторожно взял пакеты за кончики, ощутив их тяжесть, и сразу понес на кухню.

– Варьчик, а ты где-е? – запел он. – Опять в туалетик спряталась, проказница. И что ты там делаешь...

Послышался шум воды в унитазе.

– Открывай! – отозвалась из туалета Варвара.

Курбан подергал ручку туалета.

– Не открывается! Заело? Сейчас топорик принесу.

– Конверт открывай, дурень.

– А какой? Тут целых два... О, тебе и мне. «Курбану Степановичу Алиеву» и «Варваре Шпонке».

– А почему мне без отчества? – недовольно спросила Варвара.

– У нас на Кавказе женщине отчества не надо! – пояснил Курбан.

Варвара, озлобленная, вылетела, как бык на корриду.

– Где они, черт возьми?

Курбан прощупал пакет, ощутив что-то твердое.

– О, там, наверное, сургуч... О, много сургуча! Оч-ч-ень важ-ж-ный документ!

Он открыл конверт, оттуда выпал кусок цепочки в пять звеньев.

– Какой-то цепочка. – Курбан удивленно вскинул брови.

– Какой-то... – зло отреагировала Варвара. – Открывай второй!

Курбан послушно открыл второй конверт, заглянул, вытащил цепь уже в десять звеньев.

Курбан расхохотался.

– О, и тут цепочка. У тебя такой большой – женский цепочка! Ой, какой-то шутник... Любовника завела?

А Варвара мрачнее тучи: дурак Курбан, конечно, ничего не знает и в простоте душевной взял оба фрагмента цепи, примерил, чтобы соединить. Соединить, придать товарный вид – и продать. Мозги заточены – русским не в пример.

– Слушай, давай соединю два!

Он нашел в шкафу плоскогубцы, попытался рассоединить звено.

– Большой будет, куда-нибудь прицепим...

– Да заткнешься ты когда-нибудь?! – не выдержала Варвара. – Ты что – не видишь, что это за цепь?

– Слушай, Варя, так это от нее цепь? Вай...

Курбан сокрушенно покачал головой.

– Зачем нотариус прислал? Он – дурак, что ли?

– Какой нотариус! – простонала Варвара.

– Не бойся! – вдруг воскликнул Курбан. – Я сейчас сделаю мужской поступок!

Неожиданно Курбан схватил два кусочка цепи, выскочил на лестничную площадку, открыл мусоропровод и вышвырнул их туда.

Варвара не успела: цепи полетели вниз.

– Ты что натворил, басурманин? – Варвара в бессилии воздела руки к небу (следующему этажу). – Их в милицию надо было нести! Это наше алиби!

И у железной Вари от перенесенных стрессов выступили слезы.

– Не плачь, глупый женщина, – гордо выпятил живот Курбан. – Курбан купит тебе большой золотой цепочка!

– Лучше те верни, ирод! – простонала Варя.

– Гамно вопрос! – с лихостью джигита пообещал Курбан.

Неприятный сюрприз ждал в этот затянувшийся вечер и сценариста Грош-Ценаева. Как обычно, войдя в подъезд, он

открыл ключиком почтовый ящик. Среди газет он обнаружил конверт из плотной бумаги с надписью: «Сценаристу Петру Грош-Ценаеву». Петр оглянулся, попытался цивилизованно открыть его по склейке. Но не получилось, пакет был плотный, как из брезента. Петр попробовал надорвать его зубами – получилось, он тут же засунул туда руку, нащупал и выудил два звена цепочки. Он сразу все понял, фрагмент цепочки будто обжег ему руку. Грош-Ценаев лихорадочно сунул звенья обратно в конверт, оглянулся, ища затаившегося злодея. Потом выбежал на улицу, долго всматривался в темноту...

Курбан тем временем спустился на улицу, открыл дверь мусоросборочного отсека, благо он не закрывался. Теперь ему предстояло среди тонны всевозможного мусора найти злополучные звенья цепи. Он принялся разгребать мешки с помоями, из которых вываливались разбитые бутылки, склизкие остатки пищи. Курбан пожалел, что не взял рабочие перчатки, и сильно рисковал поранить руки. Но подыматься наверх – опять попасть под ураганный огонь Варькиного гнева. Отплевываясь и ругаясь, он бормотал с ненавистью:

– Чтоб тебя на эту цепочку посадить и в собакиной конуре на всю жизнь поселить!

К счастью, он достаточно быстро нашел оба куска цепи и от радости даже запел:

– Вот они, вот они, на кой-чем намотаны!

Но счастье было недолгим: на голову Курбану обрушился

поток жидких помоев и в довершение упал полиэтиленовый мешок с мусором, который лопнул и осыпал бедного искалтея всевозможными объедками, огрызками, шелухой, рыбьими хвостами. Курбан пулей выскочил наружу и, воздев к небу руки с кусками цепей, воскликнул с непередаваемым трагизмом:

– Будь проклят тот день, когда я пришел в этот поганый дом!

У прохожего, в этот момент входящего в подъезд, тут же возникла живая ассоциация с разорванными цепями.

– Свободу народам Африки!

Курбан дождался, пока жилец зайдет в лифт, а сам пешком поплелся по лестнице.

Войдя в квартиру, Курбан молча протянул кусочки цепи. Варвара отшатнулась:

– О боже, ты упал в мусоропровод?

Курбан швырнул цепи на пол.

– Свободу народам Африки...

8-е число. Вечер у Хлопухина.

Время после трудового дня Гришка, как всегда, коротал на кухне. Помимо традиционной стопки водки и куса колбасы на столе находилась злополучная цепочка.

Резкий телефонный звонок заставил его вздрогнуть. Хлопухин снял трубку с аппарата.

– Слушаю... Говорите! – раздраженно произнес он.

В трубке раздался сочный мужской голос:

– Вам передают привет...

– Какой еще привет?

– Вам – с того света... От Маши... Вы получили от нее подарок? Она просила передать, что ждет вас... *Там*...

– Да пошел ты сам туда!

Гриша бросил трубку, налил водку в граненый стакан. Только хотел махнуть, как снова требовательно зазвонил телефон. Он резко сорвал трубку.

– Да!.. – В ответ была тишина. – Что вы хотите?

На этот раз трубка заговорила женским голосом, нарочито искаженным, «замогильным».

– Это я, Маша... Узнал? А почему не лаешь от радости? Тебе понравился мой подарок? Он со смыслом... Я жду тебя... *Там* у тебя будет много сладких сахарных косточек.

Зазвучали короткие гудки. Замедленным движением Гриша положил трубку на аппарат. С ужасом посмотрел на шестизвенную цепочку.

– Шестерка...

Стакан водки остался не выпитым.

Савушкин, подъехав к редакции, ждал, когда выйдет Настя. Он не стал сообщать о своем визите и, купив букет цветов, решил сделать небольшой сюрприз. Когда она вышла из здания, Никита с цветами в руках поспешил навстречу.

– Здравствуй, Настя.

– Здравствуй, Никита... – устало ответила она. – Что ты хочешь от меня?

– Самый простой вопрос, на который нет сложней ответа, – подавленно ответил Никита.

Настя взяла цветы.

– Никита, тебя дома ждет жена.

– Ждет тандем, – вздохнул Никита. – Порой мне кажется, что я женился на теще.

– Как это?

– Она посчитала себя главой семьи и решает все и за всех.

И если я задумаю развод, то разводиться придется поочередно с двумя... Кстати, я надел Курбану на голову кастрюлю с национальным супом, забыл, как называется. На меня завели уголовное дело. По хулиганке. И отстранили от расследования...

– Ты с ума сошел!

– Мне все так говорят. Но, Настенька, первые сядут они. Я буду не я... А меня потом под какой-нибудь юбилей и амнистируют. Ты будешь мне передачи носить?

– Да... И по этапу за тобой пойду! – то ли в шутку, то ли всерьез ответила Настя.

Ночь на 9-е число

Варвара и Курбан легли поздно. Стрелки часов перевалили за час. Боялись неясной угрозы – «провокации». В постели сожителю еще долго ворочались, перешептывались. Когда, обессиленные, они уже засыпали, за дверью на лестничной площадке неожиданно слышались странные звуки: то

ли стоны или завывания, то ли ветер или голоса из могил...

– Что это? Ты слышал? – встрепенулась Варвара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.